

Черная смерть. История самой разрушительной чумы Средневековья

Автор:

[Джон Келли](#)

Черная смерть. История самой разрушительной чумы Средневековья

Джон Келли

Хардкорная история. Исторические события в современном прочтении

«Великий мор», la moria grandissima, начал свое ужасное путешествие по континенту в 1347 году, оставив после себя невообразимые разрушения и убив 75 миллионов человек – треть тогдашнего населения Земли. Опираясь на многочисленные исторические источники, историк Джон Келли рассказывает о чуме, которую позже стали называть Черной смертью, в новаторской манере – глазами ее очевидцев. Каково это – сидеть и ждать прихода неизбежного, зная, что в соседнем городе умирает по тысяче человек в день? Выбирать между собственной жизнью и долгом перед смертельно больным ребенком или супругом? Жить в распадающемся обществе, где узы семьи и закона потеряли всякий смысл, где каждый может убивать, насиловать и грабить, не опасаясь последствий?

«Черная смерть» – это экстраординарный эпический рассказ о самом страшном стихийном бедствии в истории Европы: драме мужества, трусости, страдания, безумия и самопожертвования, которая сопровождала крушение старого мира. Эта книга наглядно показывает, какие разрушения наносит пандемия, если у человечества нет сил и знаний ей противостоять.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Джон Келли

Черная смерть. История самой разрушительной чумы Средне-вековья

Посвящается Сюзанне, Джонатану и Софии – во имя будущего без чумы

John Kelly

THE GREAT MORTALITY: AN INTIMATE HISTORY OF THE BLACK DEATH

Published by arrangement with HarperCollins Publishers

Copyright © 2005 by John Kelly

© Калинина Л.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Введение

Я начал писать эту книгу с посылом в будущее, а закончил – углубившись в прошлое.

Пять лет назад, когда я впервые задумался о написании книги о чуме, я подразумевал тогда чуму в общем смысле этого слова и понимал под ней крупную вспышку эпидемической болезни. Тогда мои мысли были устремлены вперед, в двадцать первый век, а никак не назад, в четырнадцатый. В предыдущей моей книге по экспериментальной медицине «Трое на краю пропасти: История обычных семей, ищущих волшебное лекарство»[1 - В оригинале: Three on the Edge: The Story of Ordinary Families in Search of a Medical Miracle, на русском не издавалась. (Прим. ред.)] я лишь вскользь затронул вопрос о том, какой силой обладает неконтролируемая пандемическая болезнь. Один из

героев моей книги был болен СПИДом. Я наблюдал за его жизнью в течение двух лет. Это было в начале 1990-х годов, когда эффективное лечение ВИЧ было еще большой редкостью. За эти два года мужчина расстался со своей возлюбленной, потерял трех друзей и одного коллегу по работе. Отличительной чертой пандемии является ее способность разрушать целые миры, а не только жизни отдельно взятых людей. Однако одно дело – просто знать это, а совсем другое – видеть своими глазами.

В 1995 году, когда я как раз закончил работу над той книгой, Джонатан Манн, профессор Гарвардской Школы общественного здравоохранения, выступил с заявлением, что СПИД является символом начала новой пугающей эры. «История нашего времени будет отмечена периодическими вспышками новых болезней», – предсказывал он тогда. Два года спустя, в 1997 году, когда был обнаружен новый вирулентный штамм бубонной чумы, *New England Journal of Medicine* опубликовал аналогичное предупреждение. «Обнаружение штамма чумы с устойчивостью ко множеству лекарств усиливает беспокойство, поэтому не следует воспринимать легкомысленно угрозу возникновения новых инфекционных заболеваний», – заявил тогда журнал. Спустя почти двадцать лет после ликвидации оспы в 1979 году – достижение, которое в средствах массовой информации было преподнесено как окончательный триумф человечества над инфекционными болезнями, – мы, как оказалось, вернулись назад, в мир наших предков, туда, где то и дело случались внезапные, быстрые и неконтролируемые вспышки эпидемических болезней. Книга, которую я планировал написать, должна была исследовать природу этой угрозы, в частности, опасность, которую представляют новые болезни, такие как лихорадка Эбола, вирус Марбурга, хантавирусный легочный синдром, атипичная пневмония и птичий грипп.

Книга, которую я в итоге написал, получилась совсем другой, хотя косвенно она затрагивает многие из этих тем. Ее предмет – вспышка конкретного инфекционного заболевания в конкретный период времени и в конкретном месте. Спустя семьсот лет событие, которое мы называем Черной смертью, средневековые европейцы – Великим мором, а средневековые мусульмане – Годом гонений, остается величайшим стихийным бедствием в истории человечества.

Катастрофическая по своему масштабу, Черная смерть затронула все части Евразии: от шумных портов в Южно-Китайском море до сонных рыбацких деревушек в прибрежной Португалии. Она принесла столько страданий и смертей, что даже в сравнении с потерями человечества после двух мировых

войн и двадцати семью миллионами смертей от СПИДа по всему миру потери все равно остаются поразительными. В Европе, по которой в распоряжении ученых есть наиболее полные данные, во многих местах чума унесла жизни трети населения, в некоторых из них – половины, а в нескольких регионах умерло почти 60 процентов жителей. Жертвами болезни были не только люди. В течение короткого промежутка времени в середине четырнадцатого века ситуация усугубилась настолько, что казалось, будто сбылось пророчество из 7-й главы Бытия: «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле». Очевидцы свидетельствуют о собаках, кошках, птицах, верблюдах и даже львах, покрытых «нарывами» – так называемыми бубонами, которые были одним из симптомов бубонной формы чумы. К моменту окончания эпидемии на обширных участках обитаемого мира воцарилась мертвая тишина, так что один только ветер шумел над пустыми заросшими полями.

Что привело меня от моей изначальной задумки к книге, которую я в итоге написал? Дело в том, что я прочитал огромное количество литературы о Черной смерти. Прежде чем погрузиться в написание книги о будущем эпидемических болезней, я захотел познакомиться с их прошлым, а средневековая чума, как самый известный пример этого явления, оказалась наиболее подходящей темой для начала повествования. Так, с осени 2000 года я стал постоянным посетителем главного читального зала Нью-Йоркской публичной библиотеки и Библиотеки имени Батлера в Колумбийском университете. Я прочитал несколько великолепных научных трудов, но именно первоисточники о Великом море – летописи, письма и воспоминания, написанные современниками, – заставили меня обратить мой взгляд не в будущее, а в прошлое. Я подошел к работе с материалом с некоторым волнением. Ведь как однажды заметил один английский писатель, если представить, что прошлое – это чужая страна, то никакая часть прошлого не покажется более чужой, более «другой» для современного восприятия, чем Средневековье.

Но я напрасно волновался. С 1340-х годов, с того самого десятилетия, когда Черная смерть пришла в Европу, изменилось многое, но только не человеческая натура. Современники чумы писали о тех событиях откровенно и эмоционально, и спустя семьсот лет, благодаря их воспоминаниям, мы можем погрузиться в прошлое, поразиться тем событиям и заставить себя вернуться туда вновь. Один очевидец, внештатный сборщик налогов из Сиены, увидев однажды следы диких собак на недавно вырытых могилах, в которые скидывали погибших от чумы, написал: «Это конец света». Его современники, рассказывая о событиях 1348–1349 годов, оставили яркие описания того, как именно выглядел этот конец света. Это трупы в общественных чумных могилах, сваленные друг на

друга бесконечными слоями, это тележки, петляющие по утренним улицам и подбирающие умерших накануне, это мужья, бросающие умирающих жен; родители, бросающие умирающих детей из-за боязни заразиться, и множество людей, сидящих над сточными коллекторами и очистными сооружениями и вдыхающих ядовитые испарения в надежде получить так «прививку» от чумы. Это пыльные дороги, наводненные бегущими в панике беженцами, галеры-призраки, груженные трупами, и бездомный ребенок, несущийся, охваченный дикой паникой, по пустынной горной деревне. В этот самый момент в середине четырнадцатого века миллионы людей по всей Евразии увидели, как именно может выглядеть конец цивилизации, а вместе с ней и конец человечества.

Средневековая чума была одним из знаковых событий прошлого тысячелетия. Она оказала сильное влияние на последующие века и по сей день остается частью коллективной памяти Запада. В дискуссиях о СПИДе и других новых инфекционных заболеваниях Черная смерть постоянно вспоминается как предупреждение из прошлого, как бедствие, которого человечество должно избежать любой ценой. Тем не менее именно как историческое событие средневековая чума остается малоизученной. Она зародилась во Внутренней Азии, в отдаленном регионе между Монголией и Киргизией, и вполне могла бы там и остаться, если бы не монголы, объединившие в тринадцатом веке под собой большую часть Евразии. Этим они дали толчок к развитию трех направлений человеческой деятельности, которые и по сей день продолжают играть важную роль в распространении инфекционных заболеваний: торговли, путешествий и более широкого и плодотворного взаимодействия между людьми. В случае с монголами улучшение такого взаимодействия стало возможным благодаря яму, татарской версии конной почтовой службы. Из Внутренней Азии одна ветвь чумы протянулась на восток – в Китай, другая – на запад, через степь в Россию. Где-то в середине 1340-х годов западная ветвь достигла итальянских торговых форпостов в Крыму. Уже оттуда сбежавшие на галерах моряки доставили болезнь в Европу и на Ближний Восток.

Несмотря на огромные размеры Евразии и невысокую скорость средневековых путешествий – в 1345 году из Крыма в Китай по суше нужно было добираться от восьми до двенадцати месяцев, – чума в течение нескольких десятилетий распространилась почти по всем уголкам континента. Скорее всего, она вспыхнула во Внутренней Азии где-то в первой четверти четырнадцатого века, а к осени 1347 года уже достигла Европы. В конце сентября в Сицилии жители заразились от моряков с генуэзских галер. Один летописец был свидетелем того, как изможденные генуэзцы сошли с зараженных кораблей, охваченные «болезнью, скручивающей их кости». Из Сицилии эпидемия быстро

переместилась на север – в континентальную Европу. К марту 1348 года бо?льшая часть центральной и северной Италии была частично, а вскоре и полностью заражена, включая Геную, Флоренцию и Венецию, где по зимним каналам уже скользили гондолы, собиравшие трупы. К весне чума была в Испании, на юге Франции и на Балканах. Один из очевидцев писал, что однажды с холмов спустилась стая волков, которые нападали на живых и ели мертвечину. К лету болезнь достигла северной Франции, Англии и Ирландии, где от нее сильно пострадали англичане – прежде всего жители портовых городов, таких как Дублин, однако чума почти не тронула коренных ирландцев, живших на холмах. К концу осени 1348 года болезнь пришла в Австрию и была у границ Германии, а к 1349 и 1350 годам зараженными оказались все регионы вдоль европейской периферии: Шотландия, Скандинавия, Польша и Португалия. В то столетие, когда самым быстрым средством передвижения была лошадь, Черная смерть обошла Европу чуть менее чем за четыре года.

Многим европейцам казалась, что чума – это наказание разгневанного Господа. В сентябре 1349 года, когда болезнь устремилась к беспокойному Лондону, английский король Эдуард III объявил, что «теперь справедливый Бог придет к сынам человеческим и накажет этот мир». Были и те, кто считал, что единственным достоверным объяснением такого большого количества смертей было зло, совершаемое людьми. Альфонсо из Кордовы предупреждал современников, что для распространения чумы грешники использовали яды. Многие современники Альфонсо свято верили в одно – в распространении чумы были виноваты евреи. Великий мор стал причиной самого крупного всплеска антисемитизма в Средние века. Однако стоит отметить, что подобные события уже происходили в Европе и раньше.

Исторические катаклизмы по-разному сказываются на людях. Но именно средневековая чума оказала сильнейшее влияние на поведение жителей Европы. С одной стороны, вопиющая жестокость флагеллантов[2 - Флагеллантство – движение «бичующихся», возникшее в XIII веке. (Прим. ред.)], тяжелой поступью шагавших по дорогам Европы, бичуя свои полуголые тела и убивая евреев, с другой – безграничная самоотверженность сестер больницы Отель-Дьё в Париже, которые жертвовали своими жизнями, заботясь о зараженных чумой. Это и трусость папы Климента VI, который сбежал из Авиньона, резиденции средневековой Церкви, через несколько месяцев после начала эпидемии, и бесстрашие главного врача папства Ги де Шолиака, который, чтобы «избежать позора», оставался в зараженном городе до самого печального конца. Великий мор породил множество примеров безграничной хитрости и сострадания, милосердия и жадности, настойчивости, хотя

некоторые скажут, что это была скорее безысходность. На фоне разыгравшейся эпидемии состоялся самый печально известный суд над убийцей королевской особы, который, скорее, можно было назвать не судом, а фарсом, где в качестве подсудимой выступала прекрасная королева Джованна Неапольская. Наконец, на эпоху чумы пришлось правление римского трибуна Колы ди Риенцо, – наверное, самого глупого человека в Европе. И даже в самые трагичные месяцы чумы люди по всей Европе не переставали воевать друг с другом.

В этой книге я попытался воссоздать мир, описанный очевидцами в письмах, хрониках и воспоминаниях. Это история о важнейшем событии в истории человечества, рассказанная голосами мужчин и женщин, которые лично пережили эту катастрофу. И поскольку эпидемию невозможно изучать вне ее исторического контекста, это еще и книга о временах и событиях. Как заметил британский историк Брюс Кэмпбелл, десятилетия, предшествовавшие чуме, были «исключительно опасными и губительными как для людей, так и для домашних животных». Почти повсюду в Европе шли войны, отмечались перенаселение (относительно имевшихся ресурсов), стагнация и упадок экономики, антисанитария, эпидемические заболевания (не чума) и голод, а также нестабильность климата и экологии.

Оглядываясь назад, становится понятно, что очевидцы тех событий истолковывали нашествие эпидемии как предзнаменование грядущего апокалипсиса, и в некотором смысле так оно и было. Экономические и социальные условия начала четырнадцатого века и экологическая нестабильность того периода сделали Европу не самым благоприятным местом для жизни.

В своей книге я также рассматриваю новые теории о природе средневековой чумы. В течение более чем ста лет неоспоримым фактом считалось, что эпидемия представляла собой быстро распространяющуюся вспышку бубонной и еще одной формы чумы, которую называли легочной, поскольку она поражала легкие. Однако, поскольку в современных условиях ни одна из форм чумы не похожа по своим симптомам на болезнь, описанную в литературе о Черной смерти, ряд историков и ученых стали с недавних пор утверждать, что смертность была вызвана другой инфекционной болезнью, возможно, сибирской язвой, или заболеванием, подобным лихорадке Эбола.

И хотя подобное может никогда и не повториться, «человек», как однажды заметил Вольтер, «создан для действия». Факторы, благодаря которым Черная

смерть вырвалась из отдаленных уголков Внутренней Азии и буквально разрушила города средневековой Европы, Китая и Ближнего Востока, все еще не теряют своей актуальности. Исключением, конечно, является то, что сегодня они гораздо масштабнее. Торговля и человеческая экспансия – неразлучные символы современной глобализации – сделали доступными самые отдаленные уголки земного шара, в то время как транспорт во много раз увеличил мобильность как людей, так и микробов. Путь, который в четырнадцатом веке чумная палочка проделала за несколько десятилетий, сегодня занимает всего один день. И несмотря на все достижения современной науки, инфекционная болезнь все еще может обезоружить современного человека, как она сделала это с его средневековыми предками.

Весной 2001 года английский журналист Фелисити Спектор напомнил о событии, когда эпидемия ящура вышла из-под контроля и британское правительство, беспомощное в сдерживании вспышки, было вынуждено прибегнуть к методам, из-за которых Британия стала «неожиданно, пугающе средневековой». «Мы думали, – писал Спектор в «Нью-Йорк таймс», – что современная медицина далеко увела нас от тех времен, когда единственным вариантом сдержать инфекцию было сжечь целые стада скота, закрыть огромные территории сельской местности и разложить на дорогах тряпки, пропитанные дезинфекторами. Оказалось, современность – очень хрупкая вещь».

Глава I

Oimmeddam[З - Этим словом индейцы Америки называли чуму. (Прим. ред.)]

Феодосия расположена на восточном побережье Крымского полуострова, вдоль прямоугольной береговой косы. Именно здесь, на берегу Черного моря, заканчивается евразийская степь. Сегодня это слаборазвитый город, жертва постсоветского распада. Но в Средние века, когда Феодосия называлась Каффой, а в белом дворце над гаванью заседал генуэзский наместник, город был одним из самых быстрорастущих портов в средневековом мире. В 1266 году, когда генуэзцы впервые появились у южных берегов России, Каффа была обычной забытой богом рыбацкой деревушкой и поселениями на противоположной стороне Крымского полуострова: тогда перед глазами торговцев предстали продуваемые всеми ветрами убогие хижины местных

жителей, втиснутые между пустынным морем и кольцом невысоких холмов. Спустя восемьдесят лет по узким улочкам Каффы уже прогуливалось семьдесят-восемьдесят тысяч человек, а на шумных рынках можно было услышать смесь из дюжины разных языков. Оживленный горизонт был усеян устремленными ввысь церковными шпилями и башнями, а на переполненных людьми городских доках шла бойкая торговля шелками merdasaḫi[4 - Согдийский шелк из Мерва, один из сортов шелка. (Прим. ред.)] из Центральной Азии, осетрами с Дона, рабами с Украины, а также древесиной и мехами из великих русских лесов на севере. Побывав в Каффе в 1340 году, один мусульманский путешественник назвал его великолепным городом с «прекрасными рынками и отличным портом, в котором я видел две сотни кораблей, больших и малых»[5 - Ибн Баттута, у У. Хейд, *Histoire du commerce du Levant au moyen age*, vol. 2 (Лейпциг: О. Харрасовиц, 1936), с. 172-174.].

Наверное, будет преувеличением сказать, что генуэзцы буквально «вдохнули жизнь» в Каффу, но большая доля правды в этих словах все же есть. У Генуи было свое особое, романтизированное понимание судьбы своего города-государства. Именно его жители, наверное, как никто другой, горячо желали оставить о себе отпечаток в мировой истории. Генуэзские галеры можно было встретить в любом порту от Лондона до Черного моря, а генуэзских торговцев – в каждом торговом городе от Алеппо (Сирия) до Пекина. О безграничной смелости и исключительном мастерстве судовождения генуэзцев ходили легенды. Задолго до Христофора Колумба братья-генуэзцы Уголино и Вадино Вивальди пропали во время рискованной экспедиции, когда отправились на поиски морского пути в Индию[6 - Дж. Р. С. Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, 2-е изд. (Оксфорд: Clarendon Press, 1998), с. 238.]. Венеция, главный конкурент Генуи, придирчиво называла ее «городом на море, где нет рыбы»[7 - Цит. по: Эйлин Пауэр, *Medieval People* (Нью-Йорк: Harper & Row, 1963), с. 42. См. также издание: *Люди Средневековья*. М.: Центрполиграф, 2010.], где живут «мужчины, не знающие веры, а женщины – стыда», но генуэзское величие было невосприимчиво к подобного рода оскорблениям. В Каффе Генуя оставила яркий след своего присутствия. Освещенные солнцем площади и прекрасные каменные дома города, красивые женщины, гулявшие по его набережным, закутанные в персидскую парчу и благоухающие ароматами аравийских парфюмов, – все это было своего рода напоминанием о генуэзском богатстве, добродетели, благочестии и имперской славе.

Как писал один итальянский поэт того времени:

И так много генуэзцев,

Рассеянных по всему миру,

И куда бы они ни пришли —

Там новая Генуя появляется[8 - Стивен А. Эпштейн, *Genoa and the Genoese, 958-1528* (Чапел-Хилл: University of North Carolina Press, 1996), с. 166.].

Стремительный рост популярности Каффы в мире объясняется еще двумя факторами: географическим и экономическим. В период с 1250 по 1350 год средневековый мир пережил раннюю волну глобализации, и оказалось, что Каффа, расположенная на юго-восточной окраине европейской части России, занимала идеальное местоположение, которое можно было выгодно использовать в условиях новой глобальной экономики. К северу от города, за полосой густого леса, пролегал самый лучший сухопутный маршрут во всем средневековом мире – Евразийская степь, огромная зеленая равнина, покрытая небольшими холмами и высокой, колышущейся травой под бескрайним небом. По этому пути путешественник мог добраться из Крыма в Китай за восемь-двенадцать месяцев[9 - Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, с. 100.]. К западу располагался многолюдный порт Константинополь, самый богатый город христианского мира, а дальше – рабовладельческие рынки Леванта[10 - Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря, в более узком смысле Сирии, Израиля и Ливана. (Прим. ред.)], где на аукционе по вполне доступной цене можно было купить крепкого белокурого славянина. Дальше на запад была Европа, где большим спросом пользовались острые пряности с Цейлона и Явы и сверкающие бриллианты из Голконды. Между этими крупнейшими полюсами средневекового мира и находилась Каффа со своим «отличным портом», в непосредственной близости от великих русских рек Волги и Дона сразу к востоку и Днепра на западе. В первые восемь десятилетий правления генуэзцев бывшая рыбацкая деревня увеличилась в размерах вдвое, втрое и затем в четыре раза. Население тоже интенсивно росло: несколько раз его число возрастало вчетверо, появлялись новые кварталы и церкви, внутри города было построено шесть тысяч новых домов, а затем еще одиннадцать тысяч на побережье за городскими стенами. С каждым годом в город прибывало все больше кораблей, а значит, через причалы Каффы проходило все больше рыбы, рабов и древесины[11 - Хейд, *Histoire du commerce du Levant*, с. 170-174. См. также: Г. Бальби и С. Райтери, *Notai genovesi в Oltremare Atti rogati a Caffa e a Licostomo* (Генуя: 1973), изд. 14; Р. С. Лопес, *Storie delle Colonie Genovese nel Mediterraneo* (Болонья: 1930).]. Наверное, одним прекрасным весенним вечером 1340 года генуэзский наместник стоял на своем балконе, наблюдая за высокими

мачтовыми кораблями, покачивающимися в сумерках в гавани, и думал, что Каффа будет расти вечно, что ничего не изменится, за исключением того, что город станет еще больше и богаче. Конечно, в четырнадцатом веке это была просто мечта, которая остается ею и по сей день. Взрывной рост экономики всегда сопровождается человеческой алчностью.

До появления генуэзцев Каффа с точки зрения своего географического положения была почти неуязвима: на много тысяч метров ее окружали только воды Черного моря, в котором местные жители ловили рыбу, да полукруг из мрачных, подветренных холмов позади города. К 1340 году торговые пути соединили порт с районами, расположенными очень далеко, на другой стороне земного шара, о которых даже генуэзцы знали очень мало, и в некоторых из этих регионов стали происходить странные и ужасные вещи. В 1330-х годах появились сообщения об ужасных природных бедствиях в Китае. Говорят, что Кантон и Хукуанг были охвачены циклонами, которые сопровождались проливными дождями и засухой, а в Хонане стаи саранчи длиной в милю заслонили солнце. Легенда также гласит, что в этот период земля под Китаем разверзлась и в ее трещинах исчезли целые деревни. Сообщается, что землетрясение поглотило часть города Кингсай, затем гору Цинчоу, а горы Кимин-чан исчезли, оставив после себя обширную трещину («величиной в сотню лиг»), вскоре превратившуюся в озеро. В Че, как сообщалось, в результате этих катаклизмов погибло пять миллионов человек. На побережье Южно-Китайского моря был слышен зловещий грохот «подземного грома»[12 - Дж. Ф. К. Хеккер, *The Epidemics of The Middle Ages*, пер. Б. Г. Бабингтон (Лондон: Tr?bner, 1859), с. 12-15.]. Когда слухи об этих бедствиях стали распространяться дальше, китайцы заговорили о том, что император утратил Небесный мандат[13 - Сэр Генри Х. Ховорт, *History of the Mongols, from the 9th to the 19th Century*, т. 2 (Лондон: 1888), с. 87.].

На Западе новости об этих катастрофах вызывали ужас и отчаяние. Габриэль де Муссис, нотариус из Пьяченцы, писал, что «на Востоке в Китае, там, где находится голова мира, появились ужасные знаки и знамения»[14 - Габриэль де Муссис, цитируется у Стивена Д'Ирсе, «Defense Reactions During the Black Death», *Annals of Medical History*, вып. 9 (1927), с. 169.]. Музыкант по имени Луис Хейлиген, живший в Авиньоне, поведал еще более тревожную историю своим друзьям во Фландрии. «Неподалеку от Индии в течение трех дней вся провинция была охвачена ужасными, неслыханными бурями, – писал Хейлиген. – В первый день прошел дождь из лягушек, змей, ящериц, скорпионов и подобных им ядовитых гадов. На второй с неба разили молнии и сполохи огня, вперемежку с градом невиданной доселе величины. На третий день с неба сошел огонь и

смердный дым, каковой смел с лица земли все, что еще оставалось живого среди людей и иных тварей, и сжегший все бывшие там города до самого основания»[15 - Луис Хейлиген, «Breve Chronicon Cleric Anonymi», выдержки из книги *The Black Death: Manchester Medieval Sources*, пер. и изд. Розмари Хоррокс (Манчестер: издательство Манчестерского университета, 1994), с. 41–42.]

До генуэзцев, которые территориально были гораздо ближе к Азии, чем де Муссис и Хейлиген, несомненно, дошли слухи об этих бедствиях, но в 1330-х и начале 1340-х годов они столкнулись с таким количеством опасностей непосредственно в Каффе, что у них наверняка не было времени, чтобы волноваться о событиях в далеких Индии или Китае. Порт Каффа контролировался монголами, правителями величайшей империи в средневековом мире – если быть точным, в четырнадцатом веке это была самая огромная империя в мире. Для татар Каффа была лишь небольшой областью их обширных владений, которые простирались от реки Хуанхэ до Дуная, от Сибири до Персидского залива. Однако Каффа, словно камень, попавший в сапог, беспокоила монголов, точнее сказать, их очень волновали ее колониальные правители. Монголы считали генуэзцев тщеславными, надменными и двуличными людьми, которые будут называть в честь вас своих детей – как, например, генуэзский аристократический род Дория, назвавший трех сыновей в честь трех монгольских аристократов: Хуегу, Абака и Газан, – и в то же время пытаться разорить тебя[16 - Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, с. 102.]. Когда основатель монгольской империи Чингисхан негативно отзывался о «любителях сладкой жирной пищи, которые носят золотые одежды» и которым принадлежат прекраснейшие женщины»[17 - Рене Гроссе, *Empire of the Steppes: A History of Central Asia* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1970), с. 249.], он, скорее всего, имел в виду генуэзцев. В 1343 году экономическая и религиозная напряженность между двумя державами наконец вылилась в крупную конфронтацию в городе Тане, торговом посту в устье Дона, известном как отправная точка сухопутного пути в Китай. «Дорога, по которой вы идете из Таны в Пекин»[18 - Франческо Бальдуччи ди Пеголотти, у Р. С. Лопеса и Ирвинга. У. Реймонда, *Medieval Trade in The Mediterranean World: Illustrative Documents Translated with Introductions and Notes* (Нью-Йорк: издательство Колумбийского университета, 1955), с. 355–358.], – так начинается *La Practica della Mercatura*, путеводитель XIV века, написанный Франческо Бальдуччи ди Пеголотти для торговцев с восточными странами.

Согласно свидетельствам нотариуса де Муссиса[19 - В течение многих веков считалось, что де Муссис является очевидцем описываемых им событий. Но в девятнадцатом веке один любопытный редактор обнаружил, что нотариус в то время, когда осаждалась Каффа, был в Пьяченце. Источник информации де Муссиса неизвестен, но вероятно, его рассказ основан на разговорах с торговцами и/или моряками, недавно вернувшимися из Крыма. (Прим. авт., если не указано иное.)], конфликт возник в результате стычки итальянских торговцев и местных мусульман на одной из улиц Таны. Обе стороны обменялись взаимными оскорблениями, в ход пошли кулаки, завязалась драка. Конфликтующие стороны снесли торговые палатки, был слышен только визг свиней да звук рассекающих воздух кинжалов. В итоге поверженные мусульмане замертво упали на землю. Вскоре после этого у стен Таны появился монгольский хан по имени Джанибег, самопровозглашенный защитник ислама, а вместе с ним и его большая татарская армия. В осажденный город был направлен ультиматум, и, по словам русского историка А. А. Васильева, обратно был послан ответ, дерзкий даже для генуэзцев[20 - А. А. Васильев, *The Goths in the Crimea* (Кембридж, Массачусетс: Средневековая академия Америки, 1936), с. 48.]. В ярости Джанибег направил своих воинов на Тану. Клубы черного дыма и оглушительный крик размахивающих мечами татарских всадников заставили итальянцев, имевших численное большинство, но менее мобильных, отступить в гавань. Оттуда началась гонка на запад к Каффе: итальянцы убегали на кораблях по морю, а монголы преследовали их по суше верхом на лошадях.

«О мой Бог, – пишет де Муссис о прибытии монголов на холмы над Каффой. – Посмотрите, как языческие полчища татар, стекаясь в единую массу со всех сторон, внезапно вторгаются в Каффу, атакуя пойманных в ловушку христиан, которые, окруженные огромной армией, едва могут вздохнуть»[21 - Габриэль де Муссис, *Historia de Morbo*, Хоррокс, *The Black Death*, с. 17.]. Генуэзцам в осажденном городе казалось, что наступил конец света, но они ошибались. Тогда, в 1343 году, настоящий конец света был еще далеко в восточной степи, в нескольких тысячах миль от Каффы.

Средневековые европейцы, такие как де Муссис и музыкант Луис Хейлиген, знали, что в Азии бушуют чума и другие природные катаклизмы[22 - Хейлиген, «*Breve Chronicon Cleric Anonymi*», в Хоррокс, *The Black Death*, с. 42.]. Новая глобальная экономика немного «уменьшила» мир в размерах. В своем отчете об осаде Каффы де Муссис пишет: «В 1346 году в странах Востока бесчисленное количество людей было поражено таинственной болезнью». Хейлиген тоже

упоминает чуму, рассказывая о «неслыханных бедствиях неподалеку от Большой Индии». Музыкант говорит, что «ужасные события» в Индии привели к вспышке эпидемии, которая поразила «все соседние страны... своим зловонным дыханием». Тем не менее лучшим средневековым гидом по ранней истории Черной смерти в Азии является Ибн аль-Варди, арабский ученый, который жил в сирийском Алеппо – в Средние века это был важный международный торговый город, а также пост прослушивания.

Аль-Варди, который, как и де Муссис, также получал информацию от торговцев, сообщает, что эпидемия бушевала на Востоке в течение пятнадцати лет до того, как прийти на Запад[23 - Майкл У. Долс, *The Black Death in the Middle East* (Принстон: Princeton University Press, 1977), с. 40.]. Такие темпы распространения чумы являются относительно медленными для эпидемического заболевания. То, что датой начала распространения эпидемии считают 1330-е годы, также объясняет и упоминания о загадочной болезни, которая начинает появляться в азиатских документах примерно в то же время. Среди них хроники Монгольской империи и Северного Китая, в которых говорится, что в 1332 году двадцативосьмилетний великий монгольский хан Джиджагату Ток-Темур и его сыновья внезапно умерли от загадочной болезни[24 - Там же, с. 41.]. В 1331 году, за год до смерти великого хана, в китайских хрониках также упоминается некая таинственная болезнь. Эта коварная эпидемия охватила провинцию Хэбэй в северо-восточном регионе страны и унесла с собой жизни девяти десятых населения[25 - Уильям Х. Макнил, *Plagues and Peoples* (Нью-Йорк: Anchor Books, 1976), с. 173.].

Большинство современных историков считают, что болезнь, которую мы называем Черной смертью, появилась где-то во Внутренней Азии, а затем распространилась по международным торговым путям на запад, на Ближний Восток и в Европу, и на восток, в Китай. Одно из часто упоминаемых мест происхождения – это Монгольское плато в районе пустыни Гоби, про которую Марко Поло говорил, что ночной ветер навевает здесь «тысячу фантазий». Описывая эпидемию, средневековый арабский историк аль-Макризи, вероятнее всего, говорит о Монголии. По его словам, до того, как Черная смерть пришла в Египет, она свирепствовала «шесть месяцев по пути из Тебриза [в Иране], где триста племен погибли без видимой причины в своих летних и зимних лагерях и шестнадцать правителей умерли вместе с великим ханом и шестью его детьми. Впоследствии Китай практически обезлюдел, а Индия, наоборот, пострадала в меньшей степени»[26 - Долс, *The Black Death in the Middle East*, с. 41.].

Другим часто упоминаемым местом происхождения является озеро Иссык-Куль, куда средневековые путешественники могли забрести в поисках более короткого пути в Китай[27 - Жан-Ноэль Бирабен, *Les hommes et la peste en France et dans les pays europeens et mediterraneens*, vol. 1 (Париж: Mouton & Co., 1975), с. 49–55.]. Недалеко от северо-западной границы Китая, окруженная густым лесом и заснеженными горами, часть озера, расположенная в Киргизии, находится недалеко от нескольких основных очагов чумы. (Очаги – это районы, где чума возникает естественным образом.) Более того, что-то ужасное произошло на берегах этого озера за несколько лет до того, как в Каффу пришла чума. В конце девятнадцатого века русский археолог по имени Д. А. Хвольсон обнаружил, что очень большое количество надгробий на местных кладбищах было датировано 1338 и 1339 годами, а на некоторых из надгробных камней были конкретные упоминания чумы. На одной из них можно прочесть следующее:

Год... зайца [1339]

Это могила Кутлука.

Он умер от чумы вместе со своей женой Магну-Келькой[28 - Дж. Стюарт, *Nestorian Missionary Enterprise: The Story of a Church on Fire* (Эдинбург: T. & T. Clark, 1928), с. 198.][29 - Недавно Хвольсона обвинили в том, что он неверно расшифровал надписи на надгробиях. Предположительно, он ошибочно перевел «эпидемию» как «чуму». Даже если это правда, этот факт существенным образом не изменит доводы «за» или «против» визита Черной смерти на берега Иссык-Куля. В Средние века слово «чума», библейский термин, используемый для описания последствий, связанных с недовольством Господа, и «эпидемия» применялись ко всем видам эпидемических заболеваний. Появление того или иного слова на надгробиях Иссык-Куля предполагает, но не доказывает, что Черная смерть побывала на берегах этого озера.].

После Иссык-Куля в течение следующих нескольких лет Черная смерть упоминается в хрониках лишь вскользь. О ее передвижении нет достоверной информации, за исключением того, что она, кажется, будто отдельными вспышками пробирается на запад по высокой степной траве[30 - Роберт С. Готфрид, *The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe* (Нью-Йорк: Free Press, 1983), с. 36.]. Через год после того как умерли Кутлук и его жена Магну-Келька, один из свидетелей рассказывает о болезни в Беласагуне, привале к западу от Иссык-Куля, где всадники яма, монгольской почтовой службы, меняли скакунов, а отец Марко Поло, Никколо, и его дядя Маффео останавливались на пути в Китай. Через год или около того чума была

обнаружена в Таласе, к западу от Беласагуна, а затем к западу от Таласа – в Самарканде, главном центрально-азиатском торговом городе и перекрестке, на котором средневековые путешественники могли свернуть на юг в направлении Индии или продолжить движение в сторону Крыма. Первые достоверные хроники появились только в 1346 году. Именно этим годом датируется в одной русской летописи рассказ о чуме, которая пришла на западный берег Каспийского моря и поразила несколько близлежащих городов и поселков, включая Сарай – столицу Золотой Орды, где располагался самый оживленный невольничий рынок в степи[31 - Оле Дж. Бенедиктов, *The Black Death, 1346–1353: The Complete History* (Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004), с. 50.]. Год спустя, пока Сарай хоронил своих жертв эпидемии, чума пролетела несколько сотен миль на запад через Дон и Волгу до Крыма, догнала татарскую армию на холмах над Кафрой и напала с тыла.

Генуэзцы, которые считали, что Бог родился именно в Генуе, приветствовали прибытие чумы благодарственными молитвами. Всемогущий послал небесную армию ангелов-воинов, чтобы убить безбожников монголов золотыми стрелами, – так говорили они друг другу. Однако, судя по рассказу де Муссиса о тех событиях, командование небесным воинством в Каффе взял на себя как раз Хан Джанибек. «Потерянный и ошеломленный» нападением чумы, нотариус рассказывает, что татары «приказали зарядить трупы в катапульты и стали бросать их внутрь города в надежде, что невыносимый смрад убьет всех внутри крепости. Вскоре гниющие трупы отравили воздух, воду, и зловоние стало настолько невыносимым, что едва ли хоть один человек из нескольких тысяч смог спастись от остатков татарской армии»[32 - Де Муссис, «*Historia de Morbo*», у Хоррокс, *The Black Death*, с. 17.].

Основываясь на рассказе де Муссиса, несколько поколений историков провозгласили Джанибека не иначе как «отцом» биологической войны, но есть мнение, что нотариус выдумал некоторые самые жуткие детали своей истории, чтобы разрешить неудачно сложившуюся теологическую дилемму. Само собой разумеется – разрешить в пользу христиан, ведь чума напала на татар, потому что те были язычниками, тогда почему же болезнь поразила и итальянских защитников города? Историк Оле Бенедиктов полагает, что де Муссис, вероятно, выдумал катапульты и летающих монголов, чтобы объяснить эту щекотливую в религиозном плане часть истории: Бог не оставил в беде мужественных генуэзцев, они пали перед лицом множества инфицированных трупов татар, которые попали в город не случайно – это был такой коварный трюк, который смиренные христиане только и могли ждать от язычников. Как и большинство историков, профессор Бенедиктов полагает, что чума проникла в порт так, как

болезнь обычно попадает в человеческую популяцию – через зараженных крыс[33 - У Хана Джанибека сегодня есть один серьезный защитник – Марк Уиллис, профессор микробиологии в Калифорнийском университете. Профессор отмечает, что в недавно зафиксированной серии заболеваний чумой из 284 случаев 20 % инфекций были вызваны прямым контактом, то есть заболевший прикасался к объекту, зараженному чумной палочкой *Y. pestis*. «Такая передача инфекции, – говорит он, – вероятно, имела место в Каффе, где трупы оказывались сильно поврежденными из-за того, что их буквально зашвыривали внутрь города. Многие из защитников, вероятно, получали порезы и ранения рук, пытаясь спастись от этой бомбардировки». Профессор Уоллис также считает, что сценарий с крысами, который поддерживают многие историки, не учитывает одну важнейшую особенность средневековой осады. Чтобы держаться подальше от стрел и артиллерийского полигона, лагерь осаждающей стороны часто располагался в километре от вражеских укреплений – обычно за пределами отрезка, который может преодолеть «оседлая» крыса, редко рискующая покинуть свое гнездо на расстояние более тридцати или сорока метров. (Mark Wheelis, *Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. Emerging Infectious Diseases* 8, No. 9 [2002], 971–975).]. «Чего осажденные не заметили и не смогли предотвратить, так это того, что зараженные чумой грызуны могут проникнуть через щели в стенах или между воротами и выходами»[34 - Бенедиктов, с. 52.], – говорит профессор.

Осада Каффы закончилась тем, что обе воюющие стороны были истощены и уничтожены войной и болезнями. В апреле или мае 1347 года, когда холмы над Каффой покрылись зеленью, распустившейся под мягким весенним солнцем, умирающая татарская армия окончательно ослабела, а внутри зараженного города многие из генуэзских защитников стали готовиться к побегу на запад. О жизни в осажденном порту той судьбоносной весной нет никаких сведений, однако у нас есть фотографии Берлина в 1945 году и Сайгона в 1975 году. На них достаточно информации, чтобы предположить, как могли выглядеть последние дни Каффы. По мере того как росло число погибших, улицы наполняли дикие животные, которые питались человеческими останками, грабящие и насилующие пьяные солдаты, старухи, которые таскали трупы через развалины, и горящие здания, изрыгающие в крымское небо языки пламени и дыма. Кругом были толпы грызунов, передвигавшиеся будто пьяной походкой, со странной кровавой пеной вокруг морд; на площадях, словно поленья, были сложены груды тел, и в каждом лице прохожего читалась дикая паника или унылая обреченность. Сцены в гавани, единственном пути спасения из осажденной Каффы, были особенно ужасающими: бьющаяся в истерике толпа и охранники с мечами, дети, плачущие из-за потерянных или умерших родителей,

люди, кричащие и ругающиеся, – все стремятся к переполненным людьми кораблям. А позади всего этого столпотворения – на уходящих в море галерах – пассажиры, которые молятся или обнимают друг друга под огромными белыми простынями парусов, не зная, что под палубой, в темных душных трюмах находятся сотни чумных крыс, почесывающихся и принюхивающихся к прохладному морскому воздуху.

Почти наверняка Каффа была не единственным восточным портом, через который прошла чума на своем пути в Европу, но для поколения, пережившего Черную смерть, она навсегда станет местом, где зародилась эпидемия, а генуэзцы – людьми, которые принесли болезнь в Европу. Летописцы из семьи Эсте имели в виду своих современников, когда писали, что «проклятые галеры Генуи [принесли чуму] в Константинополь, Мессину, Сардинию, Геную, Марсель и многие другие места. Генуэзцы принесли гораздо больше потерь и страданий, чем даже сарацины»[35 - Цитируется у Филипа Зиглера, *The Black Death* (Нью-Йорк: Harper & Row, 1969), с. 16.].

Чума – самый известный пример того, что индейцы Пима с юго-запада США называют *oimmeddam*, странствующей болезнью. Одна древнеиндейская легенда демонстрирует, какой глубокий страх перед *oimmeddam* испытывали люди в Средневековье.

– Откуда ты? – спрашивает индеец высокого незнакомца в черной шляпе.

– Я пришел издалека, – отвечает незнакомец, – с Восточного океана.

– Что ты принес с собой? – спрашивает индеец.

– Я несу смерть, – отвечает незнакомец. – От моего дыхания дети вянут и умирают, как молодые цветы в весеннем снегу. Я несу разрушение. Какой бы прекрасной ни была женщина, взглянув на меня лишь раз, она станет уродливой, как сама смерть. Мужчинам я несу не только смерть, но и гибель их детей и жен. Посмотрев на меня лишь раз, ты никогда не станешь прежним[36 - Дэвид Э. Стэннанд, «Disease, Human Migration and History» в *The Cambridge World History of Human Disease* (Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1993), с. 35.].

Чума – самый яркий пример oimmeddam в зарегистрированной истории. Во всем мире от этой болезни погибло около 200 миллионов человек[37 - Роберт Р. Брубейкер, «The Genus Yersinia», Current Topics in Microbiology, вып. 57 (1972), с. 111.], и ни одна вспышка эпидемиологического заболевания не принесла такого количества жертв, страданий и горя, как Черная смерть. Согласно шкале Фостера, это своего рода шкала Рихтера, только по ней измеряются человеческие бедствия, – чума является второй по величине катастрофой в истории человечества. По словам канадского географа Гарольда Д. Фостера, изобретателя этой шкалы, только Вторая мировая война принесла больше смертей, физических разрушений и эмоциональных страданий[38 - Гарольд Фостер, «Assessing the Magnitude of Disaster», Professional Geographer, вып. 28 (1976), с. 241-247.]. Историк из Гарварда Дэвид Герберт Дональд также относит Черную смерть к числу крупнейших катастроф в истории человечества[39 - Дэвид Герберт Дональд, «The Ten Most Significant Events of The Second Millennium», в The World Almanac and Book of Facts (Махва, Нью-Джерси: Primedia, 1999), с. 35.]. Тем не менее самую большую, хотя и весьма сомнительную, дань разрушительной силе чумы отдает Комиссия по атомной энергии Соединенных Штатов, которая использовала эту средневековую эпидемию в качестве модели последствий всеобщей глобальной ядерной войны. Согласно исследованию комиссии над названием Disaster and Recovery, которое посвящено ядерному конфликту в эпоху «холодной войны», из всех катастроф в истории человечества именно Черная смерть наиболее близко имитирует «ядерную войну в ее географическом масштабе, внезапном начале и количестве жертв»[40 - Джек Хиршлейфер, Disaster and Recovery: The Black Death in Western Europe, подготовлено для Отделения технического анализа Комиссии по атомной энергии США (Лос-Анджелес: RAND Corporation, 1966), с. 1-2.].

Масштаб средневековой чумы был необычайным. В течение нескольких десятилетий в начале и середине четырнадцатого века чумная палочка, *Yersinia pestis*, проглотила Евразию как удав кролика – целиком, практически в один присест. От Китая на востоке до Гренландии на западе, от Сибири на севере до Индии на юге – чума уносила жизни повсюду, в том числе и в древнейших странах Ближнего Востока: в Сирии, Египте, Иране и Ираке. Сколько именно людей погибло от Черной смерти, неизвестно. В отношении Европы общепринятым показателем смертности является 33 процента[41 - Зиглер, The Black Death, с. 230. См. Также: Мария Келли, History of The Black Death in Ireland (Страуд, Глостершир: Темпус, 2001), с. 41; «The Black Death in The Middle Ages», The Dictionary of the Middle Ages, изд. Джозеф Р. Стрейер (Нью-Йорк: Чарльз Скрибнер, 1982), с. 244; Хоррокс, The Black Death, с. 3; Уильям Напи и Эндрю

Спайсер, *The Black Death and History of Plagues, 1345–1730, 1345–1730* (Страуд, Глостершир: Темпус, 2000), с. 34–35.][42 - Данные о количестве погибших от Черной смерти колеблются почти так же часто, как фондовый рынок. Недавно один историк утверждал, что от Черной смерти скончалось 60 процентов населения Европы. Тем не менее именно 33 процента является наиболее часто упоминаемым и актуальным показателем смертности. Интересно, что это очень близко к данным, которые выдвигают средневековые ученые. Когда чума закончилась, церковная комиссия определила, что число погибших составило почти 24 миллиона, что удивительно близко как раз к одной трети смертельных случаев в Европе, население которой составляло тогда 75 миллионов. (William Naphy and Andrew Spicer, *The Black Death: A History of Plagues* [Stroud, Gloucestershire: Tempus Publishing, 2000], p. 34. См. также Ole J. Benedictow, *The Black Death: The Complete History* [Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004], p. 383.)). В общих чертах это означает, что между 1347 годом, когда чума прибыла на Сицилию, и 1352 годом, когда она появилась на равнинах перед Москвой, континент потерял двадцать пять из семидесяти пяти миллионов жителей. Но в некоторых частях городской Италии, восточной Англии и сельской Франции смертность людей была намного выше – от 40 до 60 процентов. Черная смерть была особенно жестокой по отношению к детям и женщинам, которые умирали в бо?льшем количестве, чем мужчины, вероятно, потому, что проводили больше времени в помещении, где риск заражения был выше, а наиболее беспощадной болезнью была к беременным женщинам, у которых перед смертью обязательно начинались роды.

Современники были ошеломлены масштабом смертности. Казалось, что почти в одно мгновение каждый третий житель Европы исчез с лица земли, а в больших по площади графствах Англии, в небольших деревнях вдоль Сены и на окаймленных кипарисами дорогах Италии – где лучи заката наводят мысли о том, что «время – хранилище смысла»[43 - Цитата из произведения мексиканского поэта Октавио Паса. (Прим. ред.)] – скончался и вовсе каждый второй житель. «Где теперь наши дорогие друзья? – писал поэт Франческо Петрарка. – Какая молния их поразила? Какое землетрясение поглотило их? Какая буря потопила их? Нас было много, а теперь мы почти одни»[44 - Франческо Петрарка, «Letter from Parma», Хоррокс, *The Black Death*, с. 248–249.].

На исламском Ближнем Востоке и в Северной Африке уровень смертности также составил одну треть населения[45 - Готфрид, *The Black Death*, с. 35.].

Мусульманскому историку Ибн Хальдуну казалось, что «голос жизни призывал к забвению»[46 - Ибн Хальдун, Долс, *The Black Death in The Middle East*, с. 67.]. В Китае из-за непрекращающихся войн сложно было дать объективную оценку

смертности от чумы, но между 1200 и 1393 годами население страны сократилось на 50 процентов, примерно со 123 до 65 миллионов. Сегодня демографическая катастрофа наподобие Черной смерти могла бы унести 1,9 миллиарда жизней[47 - Макнил, *The Black Death*, с. 174.].

Черная смерть действительно сильно отличается от любых других «блуждающих» болезней, но особенно необычно в ней то, что эта болезнь нетипична для человека. Чума – это болезнь грызунов. Люди являются просто побочным материалом, вынужденными потерями в непримиримой глобальной борьбе между чумной палочкой *Yersinia pestis* и популяцией грызунов в мире[48 - В настоящий момент чума, кажется, одерживает верх в этой борьбе. Недавние исследования показывают, что заболевание стало настолько опасным для грызунов, что из-за этого может нарушиться процесс естественного отбора у нескольких видов. (Dean E. Biggins and Michael Kosvol, «Influences of Introduced Plague on North American Mammals», *Journal of Mammalogy* [November 2001], pp. 906–916.)]. Естественными жертвами палочки *Y. pestis* являются палтусы, сурки, крысы, белки, песчанки, луговые собачки и еще примерно двести других видов грызунов. Чтобы возбудитель спровоцировал крупную вспышку болезни в масштабах Черной смерти именно у человека, должно было случиться несколько незаурядных событий[49 - Нафи и Спайсер, *The Black Death and History of Plagues*, с. 35.]. И хотя мы никогда не узнаем, что же произошло тогда на самом деле, начиная с 1250 года социальные, экономические и, возможно, экологические изменения начали превращать большую часть Евразии во все более непригодное для жизни место.

Одним из новых факторов риска стала возросшая мобильность. Наряду с развитием международной торговли объединение степей монголами привело к тому, что торговцы, монгольские государственные деятели и армии стали проникать в одни из наиболее опасных и ранее изолированных очагов чумы в мире. Грызуны (и, что более важно, блохи, живущие на них) в иной ситуации умерли бы одинокой, безобидной смертью где-нибудь на песчаной дюне Гоби или в сибирской степи. Однако теперь они получили возможность «путешествовать» в отдаленные места планеты с караванами, солдатами, находящимися в походе, или с наездниками монгольской почтовой службы, которые могли преодолевать расстояние до ста миль в день по безликим, продуваемым всеми ветрами северным степям.

Возможно, в возникновении чумы также сыграли свою роль и экологические потрясения. Как старый тщеславный актер, *Y. pestis* не побрезговала красочной

репетицией перед основным выступлением. В середине шестого века, во время первого (задокументированного) визита чумы в Европу, так называемой «Чумы Юстиниана», очевидцы рассказывали о кровавом дожде в Галлии, о желтом веществе, «спускающемся на землю, подобно дождю», в Уэльсе и о затмении солнца на территории всей Европы и на Ближнем Востоке. «Мы с удивлением не обнаружили в полдень тени от наших тел и почувствовали, как могучая энергия солнечного тепла лишила нас последних сил»[50 - М. Г. Л. Бэйли, «Marking in Marker Dates: Towards an Archeology with Historical Precision», *World Archeology*, вып. 23, № 2 (октябрь 1991), с. 23.], – писал римский историк Флавий Кассиодор.

Похожие, хотя и менее колоритные описания экологической нестабильности появились за несколько десятилетий до Черной смерти. На западе и на востоке сообщалось об извержениях вулканов (в Италии), землетрясениях (в Италии и Австрии), крупных наводнениях (в Германии и Франции), приливной волне (на Кипре) и скоплениях саранчи длиной «в три германские мили» (в Польше)[51 - М. Г. Л. Бэйли, «Putting Abrupt Environmental Change Back into Human History», в *Environments and Historical Change*, под ред. Пола Слэка (Oxford: Oxford University Press, 1998), с. 52–72. См. Также: Брюс М. С. Кэмпбелл, «Britain 1300», *History Today*, июнь 2000.]. Однако, поскольку люди Средневековья рассматривали стихийные бедствия как предзнаменования и выражение божественного гнева, к этим сообщениям следует относиться с осторожностью. Несомненно, многие из бедствий, описанные европейскими – и китайскими – летописцами, были выдуманы или чрезмерно преувеличены для того, чтобы представить их как апокалиптическую увертюру к Черной смерти.

Тем не менее данные изучения колец деревьев показывают, что начало четырнадцатого века было одним из самых тяжелых периодов в экологическом плане за последние две тысячи лет – возможно, из-за необычной сейсмической активности в мировых океанах. А современный опыт показывает, что экологические потрясения в виде засух, наводнений и землетрясений могут сыграть роль в распространении чумы. Это происходит потому, что такие события заставляют удаленные от цивилизации популяции диких грызунов, естественную среду обитания *Y. pestis*, покидать свое место жительства и устремляться к населенным пунктам в поисках пищи и жилья.

Социальные и демографические условия также являются значимыми факторами риска распространения чумы. Подобно другим инфекционным болезням, для этого заболевания требуется минимальная численность населения в количестве четырехсот тысяч человек. Если число людей ниже этого показателя – или люди

рассеяны достаточно широко друг от друга, – цепь инфекции начинает разрушаться. Также важны санитарные условия. Основной вектор человеческой чумы – черная крыса *Rattus rattus* – питается человеческими отходами и мусором, поэтому чем грязнее улицы, дома и дворы, тем больше риск распространения чумы. Поскольку блохи являются еще более серьезным вектором заболевания, большое значение имеет и личная гигиена: люди, которые моются редко, более привлекательны для блох, чем те, кто моется регулярно. Люди, которые живут рядом с фермерскими животными, также подвергаются большему риску, потому что они неизбежно контактируют с большим количеством крыс и блох. И если люди живут в домах с негерметичными крышами и стенами, риск еще выше[52 - Роберт Поллитцер, Чума (Женева: Всемирная организация здравоохранения, 1954); Л. Фабиан Херст, *The Conquest of Plague: A Study of The Evolution of Epidemiology* (Oxford: Clarendon Press, 1953); Ву Лиен-Дэ и др., *Plague: A Manual for Medical and Public Health Workers* (Шанхай: Национальная карантинная служба Вэйшэншу, станция Шанхая, 1936); Ву Лиен-Дэ, *A Treatise of Pneumonic Plague* (Женева: 1926); Комиссия по исследованию чумы, «О сезонной распространенности чумы в Индии», *Journal of Hygiene*, вып. 8 (1900), с. 266–301; Комиссия по исследованию чумы, «Statistical Investigation of Plague in The Punjab, Third Report on Some Factors Which Influence The Prevalence of Plague», *Journal of Hygiene*, вып. 11 (1911), 62–156.].

В протекании чумы у человека роль неполноценного питания противоречива, хотя, возможно, это и не вполне оправданно. Ведь доказано, что бактерии, которым требуются многие из тех же питательных веществ, что и людям, испытывают трудности с размножением на теле у истощенных хозяев. Но опыт борьбы с чумой в Китае и Индии начала двадцатого века свидетельствует о том, что неудовлетворительное питание и гигиена являются факторами риска заболевания, а новые исследования показывают, что питание может влиять на восприимчивость к болезни другим, менее явным образом. Согласно недавним исследованиям, недоедание в утробе матери наносит вред развивающейся иммунной системе, создавая в течение всей жизни уязвимость к болезням в целом[53 - Дэвид Херлихи в книге *The Black Death and the Transformation of the West*, изд. Сэмюэл К. Кон-младший (Кембридж, Массачусетс: издательство Гарвардского университета, 1997), с. 34.].

* * *

От Каффы до джунглей Вьетнама[54 - Во время войны во Вьетнаме было зарегистрировано примерно двадцать пять тысяч случаев чумы, почти все

жертвы были вьетнамцами. (Plague Manual: Epidemiology, Distribution, Surveillance and Control [Geneva: World Health Organization, 1999], pp. 23–24.)] важным фактором, провоцирующим человеческую чуму, была еще и война. После сражений остаются человеческие трупы и мусор, которые привлекают крыс, дурно пахнущие тела, которые притягивают к себе блох. Люди во время войн подвергаются стрессам, которые снижают защитные функции иммунной системы. Солдаты и кавалерия, перемещающиеся от одной позиции к другой, также способствуют тому, что инфекция становится более мобильной.

Исторические данные свидетельствуют о том, что наличия лишь нескольких из этих условий недостаточно для того, чтобы спровоцировать пандемию или крупную вспышку чумы. Например, викторианский Запад был гораздо более густонаселенным и обладал более обширными торговыми связями, нежели средневековая Европа. Но когда столетие назад по Китаю и Индии прокатилась крупная волна чумы, ни в Америке, ни в Европе ей «зацепиться» не удалось – все благодаря относительно хорошему состоянию здоровья населения, санитарно-гигиеническим условиям и здравоохранению, а также надежным жилищам – дома были деревянные и кирпичные. Болезнь дошла до Запада, но ограничилась лишь несколькими сотнями смертей – в Окленде, Сан-Франциско, Глазго, Гамбурге и некоторых других городах.

Для эры, которую когда-то называли Темными веками, а теперь (менее категорично и, во всяком случае, более точно) – ранним Средневековьем, были характерны некоторые обстоятельства, так или иначе связанные с чумой, – это широко распространенное насилие, беспорядки, скудное питание и грязь: даже если европейцы раннего Средневековья и мылись или меняли одежду более одного или двух раз в год, то христианство, во всяком случае, держало этот факт в большом секрете. Вместе с тем в тот период практически угасла внешняя торговля, а появление новых враждебных мусульманских государств на Ближнем и Среднем Востоке привело к дальнейшему отделению очагов чумы в Центральной Азии и Африке от Европы. Еще раннее Средневековье было периодом сильной убыли населения. В шестом и седьмом веках разрушающаяся Римская империя потеряла от половины до двух третей своего населения. На территории от Шотландии до Польши наследники некогда великой цивилизации жили кучками на отдельных участках леса, словно беглецы. Даже если бы каким-нибудь удивительным образом *Y. pestis* сумела бы попасть на запад раннего Средневековья, то она потерпела бы там неудачу, как и на улицах викторианского Сан-Франциско.

* * *

Напротив, обстановка, сложившаяся в четырнадцатом веке, создала идеальные условия для *Y. pestis*. По современным стандартам, население средневековой Европы было относительно малочисленным: около 75 миллионов человек по сравнению с сегодняшними почти 400 миллионами. Однако по сравнению с ресурсами, доступными населению, континент стал опасно перенаселенным. Период между 1000 и 1250 годами на средневековом Западе характеризовался большим экономическим и демографическим ростом, но когда после 1250 года темпы роста экономики стали замедляться, Европа оказалась в так называемой мальтузианской ловушке, согласно определению историка Дэвид Херлихи[55 - Херлихи, в *The Black Death and the Transformation of the West*, с. 34.].

Средневековые европейцы все еще были в состоянии кормить, одевать и обеспечивать себя жилищем, но давалось им это уже с трудом, поскольку баланс между людьми и имеющимися ресурсами почти нарушился. Ухудшение климата почти стерло грань между жизнью и смертью для десятков миллионов европейцев. Между 1315 и 1322 годами на континент обрушивались проливные дожди, и к тому времени, когда в некоторых регионах вновь появилось солнце, от голода умерло уже от 10 до 15 процентов населения[56 - Уильям Честер Джордан, *The Great Famine: Northern Europe in The Fourteenth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1996), с. 118, 147.]. В Италии недостаток пищи был особенно масштабным и ощущался населением вплоть до наступления эпидемии чумы.

В четырнадцатом веке война была почти таким же постоянным явлением, как голод. Италия, где за господство боролись папство и Священная Римская империя, оказалась, согласно терминологии Т. Гоббса, в состоянии войны «всех против всех». В папских областях вокруг Орвието, Неаполя и Рима кипели большие, малые и средние по размаху войны. В море «два факела Италии», как Петрарка называл Геную и Венецию, погрязли в непрекращающемся конфликте из-за морских владений. И почти повсюду с севера до юга полуострова бродячие отряды *condottieri* (наемников) вели несколько мелких независимых войн. На севере и западе бушевал конфликт в Шотландии, Бретани, Бургундии, Испании и Германии, а в портах, на равнинах и в городах северной Франции англичане и французы сражались в первых битвах Столетней войны.

«Город делает людей свободными», – говорили друг другу средневековые немцы, но сочетание людей, крыс, блох, отходов и мусора, сосредоточенных в пределах нескольких квадратных километров городской стены, превратило

средневековый город в клоаку. К началу четырнадцатого века в городской Европе скопилось столько грязи, что во французских и итальянских городах улицы стали называть в честь человеческих фекалий. В средневековом Париже названия нескольких улиц были образованы от *merde*, французского слова, обозначающего «кал»: Рю Мердо, Рю Мерделе, Рю Мердуссон, Рю де Мердон и Рю Мердиер, а также Рю дю Пипи. Другие парижские улицы получили свои названия от животных, которых резали на скотобойнях. Была улица *Champs-Dolet*, название которой примерно переводилось как «поле страданий и криков», и *l'Echorcheire*: «место измельчения»[57 - Жан-Пьер Легуэ, *La rue au Moyen age* (Париж: Editions Ouest-France, 1984).]. У каждого города любого размера в Европе был свой вариант *l'Echorcheire*: скотобойня открытого типа, где мясники в окровавленной одежде резали, рубили и пилили среди разбросанных частей тела и субпродуктов под мучительные стоны умирающих животных. Один разгневанный лондонец жаловался на то, что сток с местной бойни наполнил его сад «вонью и гнилью», в то время как другой заявил, что кровь убитых животных затопила близлежащие улицы и переулки, «порождая мерзкое гниение и отвратительное зрелище для всех живущих рядом». В большей части средневековой Европы санитарное законодательство состояло из постановления, требующего от домовладельцев три раза кричать «Берегись!», прежде чем вылить полный ночной горшок на улицу.

Средневековая деревня, где проживало 90 процентов населения, была еще более опасным местом, чем средневековый город. Крестьянские дома с тонкими стенами были совершенно не герметичными, а соотношение количества крыс на душу человека в сельских районах было очень высоким. В городе крысиные колонии обычно «делили свое внимание» между несколькими домами на улице, но в деревне, как правило, одна крестьянская семья становилась целью для целой колонии грызунов.

Тело средневекового европейца было в таком же ужасающем состоянии, как и средневековая улица. Эдуард III шокировал Лондон тем, что за три месяца трижды совершил омовения. Фриар Альберт, монах из «Декамерона» Боккаччо, демонстрировал более типичное отношение средневекового человека к личной гигиене. «Так сделаю же я сегодня, чего давным-давно не делал: разденусь», – радостно говорит монах[58 - Джованни Боккаччо, *Декамерон*, пер. Г. Х. Мак-Вильям (Лондон: Penguin Books, 1972), с. 308. См. также пер. А. Н. Веселовского (М.: Эксмо, 2016).]. Один английский летописец сообщает, что, когда вероломно убитого Томаса Бекета раздели догола, паразиты из его тела «убегали, как вода из кипящего котла»[59 - Теренс Маклафлин, *Coprophilia, Or a Peck of Dirt* (Лондон: Касселл, 1971), с. 19.].

Можно утверждать, что господствующая в средневековой Европе религиозная и медицинская ортодоксальность также сделала людей предрасположенными к чуме. Ведь, по сути, она продвигала программу общественного здравоохранения, основанную на пренебрежении чистоплотностью и культе молитвы. Образованные представители общества, находящиеся под влиянием теорий Галена, бывшего спортивного врача и римского доктора, лечившего знать, полагали, что чума возникала из-за миазмов – плотных облаков зараженного воздуха. «Испорченный воздух при вдыхании обязательно проникает в сердце и разрушает там вещество духа»[60 - «The Report of The Paris Medical Faculty, October 1348», у Хоррокс, Черная смерть, с. 158.], – предупреждал парижский медицинский факультет, самый передовой орган медицины того времени. «Король врачей», итальянец Джентиле да Фолиньо, рекомендовал вдыхание трав в качестве противоядия от «испорченного» воздуха[61 - «Tractatus de pestilenta», в Archive f?r Geschichte der Medizin, изд. Карл Судхофф (Берлин: 1912), с. 84].

Церковью и простыми людьми чума рассматривалась как форма божественного возмездия за человеческое зло. Английский монах Генри Найтон, злостно надсмехавшийся, подобно шекспировской ведьме, над Черной смертью, является ярким примером этой школы мышления. Найтон полагал, что Бог истребил треть или больше Европы, потому что самые привлекательные молодые женщины средневековой Англии стали активно участвовать в рыцарских турнирах. «Когда бы и где бы ни проводились турниры, – писал Найтон через несколько десятилетий после Черной смерти, – появлялась группа женщин, одетая в мужские одежды, верхом на лошадях. Иногда их было сорок или пятьдесят, самых ярких и красивых, хотя и не самых добродетельных, женщин королевства. Они носили на бедрах ниже пупка толстые пояса, усыпанные золотом и серебром, они были глухи к требованиям скромности. Но Бог, который видел все эти вещи, как он видит все и всегда, послал нам чудесное лекарство»[62 - Генри Найтон, «Chronicon Henrici Knighton», у Хоррокс, The Black Death, с. 130.] – чуму.

Чума является одной из самых медленно распространяющихся из всех «блуждающих» болезней. Новые штаммы вируса гриппа могут разойтись по всему миру за год или два, но *Y. pestis*, как и вирус СПИДа, имеет сложную цепь передачи инфекции, и для того чтобы развернуться, ей могут потребоваться десятилетия. Основным переносчиком заболевания является не грызун, животное, с которым чаще всего ассоциируют это заболевание, а блоха, живущая на грызуне. Когда зараженный хозяин умирает, блоха переходит к

новому, передавая ему чумную палочку *Y. pestis* путем укуса. Иногда люди заражаются непосредственно от одного из множества видов блох, которые охотятся на диких грызунов, таких как белки, луговые собачки и сурки. Но чаще всего возбудителем чумы у людей является более знакомая черная крысиная блоха *Xenopsylla cheopis*.

В случае с чумой человека цепочка инфицирования может иметь несколько путей. Например, экологическая катастрофа уничтожает запасы продовольствия или происходит резкий всплеск популяции грызунов, в результате чего она резко разрастается. Эти события могут погнать колонию зараженных животных к человеческому поселению, где члены этой самой колонии обмениваются своими блохами с домашними крысами. Другой возможный сценарий, который тоже может иметь отношение к Черной смерти, состоит в следующем: предположим, группа путешественников как-то пересекается с сообществом диких грызунов в разгар эпидемии чумы. Зараженные грызуны – или их блохи – проникают в седельные сумки и повозки путешественников, и когда группа прибывает в следующий город или деревню, эти «безбилетные пассажиры» выпрыгивают из своего укрытия и распространяют болезнь среди местных грызунов. Заключительным звеном в этой цепи является *X. cheopis*, крысиная блоха, которая становится переносчиком болезни, потому что ее хозяева, крысы, тем или иным образом заразились от диких грызунов.

Прыжок чумы на человека вызван отчаянием *X. cheopis*. Ей не особенно нравится человеческая кровь, но, поскольку чума убивает местных домашних крыс, единственными жизненными альтернативами блохи остаются голод или *Homo sapiens*. Попав в человеческую популяцию, крыса становится очень эффективным переносчиком заболевания. *X. cheopis* может прожить до шести недель без хозяина – достаточно долго, чтобы преодолеть сотни миль при перевозке зерна или ткани[63 - Грэм Твигг, *The Black Death: A Biological Reappraisal* (Лондон: Batsford Academic and Educational, 1984), с. 21.]. Блоха – очень агрессивное насекомое. Известно, что она может впиться в кожу живой гусеницы и высосать из ее организма жидкость и все внутренности. Тем не менее главный признак *X. cheopis* как переносчика болезни заключается в особенностях ее пищеварительной системы.

У неинфицированной крысиной блохи кровь, выступающая при укусе кожи, попадает прямо в желудок, утоляя голод. У инфицированной блохи бактерии чумы накапливаются в передней кишке, вызывая непроходимость, увеличивая способность насекомого распространять инфекцию двумя способами[64 - Роберт

Р. Брубейкер, «Yersinia Pestis», в Molecular Medical Microbiology, изд. М. Сассман (Лондон: Academic Press, 2001), с. 2033–2058.]. С одной стороны, поскольку питательные вещества не попадают в желудок, постоянно голодная *X. cheopis* вынуждена кусать свою жертву снова и снова. С другой, когда в передней кишке насекомого накапливается непереваренная кровь, оно превращается в живую инъекционную иглу. Каждый раз при укусе блоха давится непереваренной кровью, теперь зараженной чумной палочкой, и снова совершает укус.

Как же вышло так, что проблемы с пищеварением небольшого насекомого стали причиной гибели 25–30 миллионов жителей Европы, трети населения Ближнего Востока и «вымирания» Китая? Все дело в размножении. Обычно грызун несет на себе лишь полдюжины блох или около того, но в разгар эпизоотии[65 - Эпизоотия – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории, сильно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. (Прим. ред.)], когда хозяев на всех не хватает, выжившие грызуны часто становятся своеобразными «городами», которые населяют от ста до двухсот насекомых, а иногда это даже не города, а целые мегаполисы. Исследователи в Колорадо как-то насчитали на одном несчастном суслике девятьсот зараженных вирусом блох.

Люди подвержены заболеванию тремя формами чумы. Бубонная чума, наиболее распространенная форма, передается через укус блохи и имеет инкубационный период от двух до шести дней[66 - Роберт Перри и Жаклин Д. Фетерстон, «Yersinia Pestis – Etiologic Agent of Plague», Clinical Microbiology Review 10, вып. 1 (январь 1997), с. 58.]. «Перед нами опухоль, предупреждающий знак, посланный Господом»[67 - Бенедиктов, The Black Death, 1346–1353: The Complete History, с. 26.], – писал один житель Средневековья о самом характерном симптоме Черной смерти – бубоне в форме яйца. Средневековые летописцы часто описывали бубон как опухоль, и эта аналогия вполне уместна. Подобно злокачественным раковым клеткам, попав в организм, чумные бактерии агрессивно размножаются с дикой скоростью. Как правило, место укуса блохи определяет место возникновения *bubone*, так как современники называли бубон. При укусах ног и лодыжек бубоны возникают в области живота или бедер, при укусах верхней части тела бубоны появляются на внутренней поверхности рук или на шее. Чрезвычайно чувствительный к нажатиям, *bubone* часто деформирует тела свои жертв. Так, например, шейный бубон может вынудить человека вывернуть голову в противоположном направлении, бедренный бубон – заставить его хромать, подмышечный – ходить с вытянутой или поднятой рукой. А еще бубоны

производят необычные звуки. Человеческая чума разговаривает со своими жертвами странным булькающим языком.

Согласно летописцам, при бубонной форме Черной смерти также довольно распространены были три других симптома. Один из них – *petechiae*. Эти темно-пурпурные пятна, часто появлявшиеся на груди, спине или шее, также были известны как «отметины Бога», потому что их появление означало, что случай смертельный. Легенда гласит, что «отметины» стали источником вдохновения для детского стишка эпохи Черной смерти[68 - В последнее время некоторые ученые оспаривают связь этого стихотворения с Черной смертью, утверждая, что оно появилось только в начале девятнадцатого века.], сохранившегося до наших дней:

Розово в кольце,

Карман в цветочной пыльце.

На лестнице или под —

Всякий вниз упадет[69 - Аналог детской игры «Колечко, колечко, выйди на крылечко». (Прим. пер.)].

Неприятный запах был еще одним часто встречающимся симптомом бубонной чумы в Средние века. По словам многих летописцев Черной смерти, жертвы не только выглядели так, как будто собирались умереть, часто они пахли так, как будто уже умерли. После посещения друга, заболевшего чумой, один человек написал: «Вонь от пота, экскрементов, слюны, [и] дыхания [была] невыносимой». На основании ряда свидетельств того времени можно предположить, что средневековая чума оказывала разрушающее воздействие и на нервную систему. очевидцы рассказывали о том, что жертвы болезни бредили, были чрезмерно возбуждены, в безумии кричали из открытых окон, ходили по улице полуголыми или впадали в ступор.

Как ни странно, три последних симптома редко встречаются при современной бубонной форме чумы. Доктор Кеннет Гейдж, начальник отдела по борьбе с чумой в Центрах по контролю и профилактике заболеваний США, сталкивался с «отметинами Бога» в своей работе, но настолько редко, что, когда его спросили, видел ли он когда-либо больного чумой с геморрагическими гематомами, ему пришлось глубоко задуматься, чтобы ответить на этот вопрос. Что касается неприятного запаха, то специалисты Центра по контролю и профилактике

заболеваний действительно сталкивались много раз с таким симптомом. Однако они объясняют его как следствие плохого ухода за больными – жертвам чумы не меняли белье, их не купали регулярно, к тому же жили они в лачугах. Запахи, описанные летописцами Черной смерти – или, по крайней мере, некоторыми из них, – казалось, исходили изнутри тела жертвы, как будто его внутренности были поражены гангреной. Доктор Гейдж, который боролся с чумой в Азии, Северной и Южной Америке, не знает случаев поражения центральной нервной системы у больных чумой[70 - Личное общение с доктором Кеннетом Гейджем, начальником отдела борьбы с чумой, CDC.].

Легочная чума является вторым типом болезни, и – что уникально – она может передаваться непосредственно от человека к человеку. Однако, как и другие формы инфекции, она также берет свое начало от грызунов и насекомых. В некоторых случаях бубонной чумы бактерии покидают лимфатическую систему и поражают легкие, вызывая вторичную легочную чуму. Так как больной начинает кашлять и отхаркивать кровь – основные симптомы легочной чумы, – болезнь теперь не нуждается в своем переносчике: блохе. Теперь она может распространяться среди людей как обычная простуда или ОРВИ – по воздуху. И хотя вспышки заболевания случаются и летом, чаще легочная чума встречается зимой, когда более низкие температуры способствуют передаче измельченных и замороженных капель мокроты и слюны.

Как и в случае с бубонной чумой, существуют некоторые заметные различия между современным вариантом «легочной чумы» и ее средневековым аналогом. Одним из них является частота встречаемости. Сегодня такая форма относительно редка, однако в первый год прихода Черной смерти в Европу казалось, что легочной чумой болеют повсюду в Италии и на юге Франции. Другим заметным отличием является заразность. Современная легочная чума не является сильно «цепкой» болезнью, да и не может она быть таковой. Бактерии чумы больше по размерам, чем вирусы, и, следовательно, их труднее передать непосредственно от человека к человеку – более крупным бактериям нужны большие воздушные капли, и даже если они достигают другого человека, то обычно застревают в верхних дыхательных путях, не добравшись до легких.

Даже принимая во внимание склонность средневековых жителей к преувеличению, создается впечатление, что легочная чума тех времен была не просто очень заразной, она была похожа на взрыв, как ядерная цепная реакция. «Дыхание, – писал один напуганный сицилийский летописец, – распространяло

инфекцию среди людей, что стоят вместе и разговаривают, и казалось, будто жертвы заражались внезапно и умирали от нее...Больные сильно кашляли кровью, и после трех дней непрекращающейся рвоты, от которой не было никакого лекарства, они умирали, а вместе с ними гибли не только те, кто разговаривал с ними, но и любой, кто покупал их вещи, прикасался или дотрагивался руками до них»[71 - Бенедиктов, с. 28.].

Легочная чума характеризуется очень высокой смертностью. Если ее не лечить, уровень смертности среди заболевших составит от 95 до 100 процентов.

Третьей формой заболевания является септическая чума, летальность которой без лечения составляет сто процентов. Мощное движение огромных количеств чумных бацилл непосредственно в кровеносную систему вызывает такую сильную интоксикацию, что даже насекомые, обычно неспособные к передаче *Y. pestis*, например, вши, могут стать переносчиками болезни. Во время вспышки септической чумы в начале двадцатого века среднее время жизни от появления симптомов до смерти составляло 14,5 часа[72 - Там же, с. 26.].

Были предположения, что термин «Черная смерть» появился из-за ужасного изъяна, который появлялся на теле человека при септической чуме – конечности становились такими же черными и твердыми, как уголь. Однако сепсис не является частым симптомом чумы, и в любом случае использование термина «Черная смерть» для средневековой чумы объясняется старой исторической ошибкой. В 1631 году историк по имени Иоганн Исаак Понтанус, возможно, провел аналогию с Сенекой, который использовал латинский термин «Черная смерть» (*Arta mors*) для описания вспышки эпидемической болезни в Риме. Понтанус предположил, что это определение отлично подойдет и для описания событий в четырнадцатом веке. Шведы, которые начали использовать выражение около 1555 года (*swarta d?den*), датчане, которые стали применять его пятьдесят лет спустя (*den sorte D?d*), и остальная часть Европы, которая начала прибегать к выражению «Черная смерть» в восемнадцатом веке, возможно, подверглась тому же заблуждению[73 - Джон Аррисабалага, «Facing The Black Death: Perceptions and Reactions of University Medical Practitioners», в *Practical Medicine from Salerno to The Black Death*, под ред. Луиса Гарсиа-Баллестера, Роберта Френча, Джоан Аррисабалага и Эндрю Каннингема (Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1994), с. 242-243.]. Поколение, пережившее средневековую чуму, называло ее *moria granisissima*, *la mortalega grande*, *tr?s grande mortalite*, *grosze Pestilentz*, *peligro grande* и *huge mortalyte*: названия, которые переводятся примерно как «великий мор», или,

более разговорным языком, «большая смерть»[74 - Сэмюэл К. Кон-младший, *Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe* (Лондон: Арнольд, 2002), с. 104.].

Одна из величайших загадок средневековой чумы заключается в том, как именно беглые генуэзцы смогли пережить морское путешествие длиной в шестнадцать сотен миль от Каффы до Сицилии, у берегов которой чума вошла в европейскую историю. Даже если бы бегущие от болезни галеры сначала зашли в Константинополь и другие порты на пути в Италию, что кажется вероятным, то оказаться в открытом море с *Y. pestis* было бы все равно что попасть в мясорубку. Единственное возможное объяснение загадки – счастливые гены. Недавние исследования показывают, что одна аллель[75 - Аллель является одной из двух форм выражения определенного гена. Например, ген цвета человеческого глаза может быть выражен в нескольких формах: карий, голубой, зеленый и т. д.], CCR5-Δ32, способна обеспечивать защиту от чумы[76 - Дж. Клэрборн, Стивенс и др., «Dating The Origin of The CCR5-Δ32 AIDS-Resistance Allele by The Coalescence of Haplotypes», *American Journal of Human Genetics* 62 (1998): 1507–1515. См. Также: Кон, *Black Death Transformed*, с. 250.]. Возможно, у некоторых из членов экипажа была эта счастливая аллель.

А вот что именно происходило, когда Каффа скрылась за горизонтом, как раз известно.

На второй или третий день в море один из мужчин просыпается с жаром. После того как он снова засыпает, его попутчик крадет у него зараженную блохами куртку. Через несколько дней вор заболевает. По мере того как слухи о болезнях мужчин распространяются по кораблю, паникующие члены экипажа собираются в конюшнях на нижней палубе, чтобы поделиться слухами и вступить в сговор. Той ночью с задней стороны корабля послышался всплеск, потом еще один. Но никто не стал поднимать тревогу, когда тела исчезли с поверхности воды в ряби лунного света.

Время в путешествии тянулось, и болезнь все больше захватывала судно. Люди начинали буквально бросаться друг на друга, и этот сценарий повторится позже в Европе, когда туда придет чума. Избиения, убийства, массовые казни, мятежи – и только прогрессирующая болезнь смогла предотвратить полную анархию. Люди становятся слишком больными, и сначала они не в состоянии убивать, а затем и работать. Рулевой с шейным бубоном привязан к штурвалу, корабельный плотник с кровавым кашлем – к своей банке[77 - Скамейка на судне. (Прим.

ред.)), оснастчик, дрожащий от лихорадки, – к мачте.

Постепенно каждое спасающееся от болезни судно становится похожим на страшный театр абсурда. Повсюду ходят бредящие мужчины, которые разговаривают с ветром, в запачканных кровавыми каловыми массами штанах, плачущие мужчины, зовущие погибших матерей, жен и детей. Люди, сыплющие проклятиями, хулят Бога, машут кулаками в равнодушное небо и захлебываются кровью от кашля. У некоторых людей гной вытекает из язв на лице и теле, при этом смрад стоит просто невыносимый. Кто-то вяло и равнодушно смотрит на жестокое серое море. Те, у кого совершенно повредился рассудок, истерически смеются и кусают до крови грязные ногти. Раздутые тела мертвецов катаются взад-вперед по раскачивающимся палубам, пока, наконец, не ударяются о перила или мачту и не взрываются, как пиньята.

В течение тысячи дней между осенью 1347 года, когда генуэзцы, прибывшие на Сицилию, уже настолько больные, что «если кто-то даже просто говорил с одним из них, он тоже оказывался зараженным», и зимой 1351–1352 годов, когда чума пересекла ледяную Прибалтику и вернулась обратно в Россию, *Y. pestis* затянула петлю палача вокруг шеи Европы.

Из Сицилии, где чума непрерывно бушевала в течение дюжины месяцев, один из векторов эпидемии направился на запад, вдоль побережья Средиземного моря до Марселя, где в ту суровую зиму 1347–1348 годов, вероятно, погибла половина города. Устремившись от Роны к Авиньону, в апреле 1348 года чума положила конец одной из легендарных историй любви в западной литературе, изобличив моральную слабость папы и вдохновив голодных свиней Авиньона на ночные походы по местным кладбищам. Дальше на восток, в адриатическом портовом городе Рагуза власти отметили приход весны тем, что приказали всем гражданам оформить завещание. В июне чума посетила Париж, где на муниципальном кладбище закончились места для захоронений, а знаменитый медицинский факультет Парижа объявил, что причиной заболевания является «необычное расположение Сатурна, Марса и Юпитера, случившееся 20 марта 1345 года» [78 - «The Report of The Paris Medical Faculty, October 1348», у Хоррокс, *The Black Death*, с. 158.]. Позже тем мрачным летом чума раздвоилась, как язык змеи. Один ее рукав понесся на север, в сторону Турне на фламандской границе, где церковные колокола непрерывно звонили в течение двух дней, чтобы объявить о начале эпидемии. Второй рукав, привлеченный запахом войны и смерти вокруг недавно осажденного Кале, обогнул побережье и устремил свой

взор на запад, через канал в сторону Англии. Там, на территории от Дувра до Лендс-Энда, взволнованные англичане пристально вглядывались в морской горизонт – как это снова повторится через несколько столетий во время Битвы за Британию летом 1940 года.

В июле *Y. pestis* проскользнула через кордон наблюдателей и вошла в маленький порт Мелкомб. Месяц спустя в городе стало так тихо, что были слышны только шум дождя по деревенским крышам и прибой, бившийся о меловые скалы Дорсета на юге. В том страшном сентябре болезнь резко сменила направление и поздним летом пошла на восток, через непрекращающийся ливень в сторону Лондона, где король скорбел о смерти своего любимого ребенка. «Никто не удивится, что это ужасное горе так опустошило нас изнутри, ведь мы же люди»[79 - «Letter of Edward III to Alfonso, King of Castile», Хоррокс, *The Black Death*, с. 250.], – писал Эдуард III о своей умершей от чумы дочери, пятнадцатилетней принцессе Джоанне. Весной 1349 года, когда зеленые холмы Уэльса наполнились эхом пения птиц, местный поэт написал: «Смерть приходит в нашу жизнь, как черный дым»[80 - У. Риз, «The Black Death in England and Wales», *Proceedings of The Royal Society of Medicine* изд. 16 (часть 2 [1920]), с. 134.]. Одним прекрасным майским днем *Y. pestis* прибыла в Дербишир, где за три коротких месяца убила жену, отца, сестру, невестку и тетю крестьянина Уильяма де Уэйкбриджа. За Ирландским морем, в Дублине, где живых на улицах стало меньше, чем мертвых, францисканец Джон Глинн написал: «Я жду смерти среди мертвых»[81 - *Annalium Hibernae Chronicon*, изд. Р. Батлера (Дублин: Ирландское археологическое общество, 1849 г.), с. 37.].

Еще один рукав чумы проник в Европу через Геную, где в последний день 1347 года несколько галер бросили свой якорь. Когда по ночным улицам города дул сырой зимний ветер, в окне местного нотариуса Антонио де Бенитио горела свеча. Он оставался в зараженном городе, чтобы оформлять завещания для клиентов, которые не смогли убежать. Уверенно продвигаясь внутри страны по узким равнинам центральной Италии, чума в один холодный мартовский день обрушилась на Флоренцию, в которой умерло так много людей, что церковные колокола даже не звонили, чтобы хоть как-то сохранить общественный дух. «Больные не могли слышать их, и это было также во благо здоровым»[82 - Маркионне ди Коппо Стефани, *Cronica friorentino*, изд. Никколо Родолико, RIS, XXX/1 (Citt? di Castello: 1903).], – писал один из выживших. В июне, когда чума прибыла в Сиену, сборщик налогов и бывший сапожник по имени Аньоло ди Тура заявил: «Это конец света»[83 - Аньоло ди Тура дель Грассо, «Cronaca sense

attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso», в Cronache senesi, ed. А. Лисини и Ф. Якометти, RIS, XV/6 (Болонья: 1931–1937), с. 555.]. Соседняя Пистойя более прагматично встретила эпидемию. «Отныне, – провозгласили отцы города, – каждую могилу стоит рыть на глубину двух с половиной локтей»[84 - Ordinances of Pistoia 1348, цит. у Хоррокс, The Black Death, с. 195–203.]. В августе эпидемия достигла Перуджи, где Джентиле да Фолиньо, один из самых знаменитых врачей Италии, остался в городе, чтобы помогать бедным. Когда богатые и знатные жители Перуджи бежали, богатый и знатный да Фолиньо остался на своем посту, посещая зловонные лачуги больных, пока наконец чума не сгубила и его.

Спустившись с Альпийских перевалов в Австрию осенью 1348 года, Y. pestis убивала, оставляя после себя такое зловоние, что, как сообщает один очевидец, волки, охотившиеся на местных овец, «развернулись и ушли обратно в чащу, как будто встревоженные каким-то верным знаком»[85 - Нойбург Кроникл, у Зиглера, The Black Death, с. 84.]. Прибыв в Центральную Европу, эпидемия спровоцировала беспрецедентный всплеск антисемитизма. В сентябре 1348 года в Шильоне, городке неподалеку от Женевского озера, одного еврейского хирурга и женщину-еврейку обвинили в распространении чумы и заставили хирурга выбирать между собой и своей общиной, а женщину – между собой и своим сыном.

В январе 1349 года в Базеле местные жители-евреи были сожжены на одном острове на Рейне, а ответственно подошедшие к гигиене жители Шпейера, опасаясь заражения, поместили умерших от чумы мертвых евреев в винные бочки и сбросили в реку. В феврале в качестве профилактической меры Страсбург собрал своих евреев на местном кладбище и сжег их. Войдя на кладбище, несколько молодых красивых евреек отказались от помилования христианами и настояли на том, чтобы тоже пойти на костер. Но чума все равно не помиловала Страсбург. В Вормсе члены местной еврейской общины, опасавшиеся смерти от рук своих христианских соседей, заперлись в своих домах и подожгли себя. В Констанце под серым мартовским небом группа евреев с песнями и смехом вошла в огонь.

Пока чума пробиралась через непроходимые леса Германии, из ловушки средневекового тевтонского менталитета вырвался еще один демон: флагелланты, которые верили, что проклятие великого мора можно снять путем самобичевания и убийства евреев. Двадцать лет спустя один свидетель вспоминал истерию, вызванную флагеллантами. «Люди, – писал он, – злобно истязали свои обнаженные тела до крови, а толпы, то плачущие, то поющие,

кричали: «Спасите нас!»[86 - Томас Уолсингем, *Historia Anglica* 1272–1422, ред. Н. Т. Райли, в 2 т., *Rolls Series*, 1863–1864, том 1, с. 275]

В мае 1349 года английский корабль, перевозивший шерсть, принес чуму в Берген, Норвегию. Через несколько дней после прибытия все пассажиры и члены экипажа погибли. К концу короткого скандинавского лета чума устремилась по восточной дуге в сторону Швеции, где король Магнус II, полагая, что мор – промысел разгневанного Бога, ввел в стране «пятницы без еды» и «босые воскресенья», в надежде усмирить Его божественный гнев. Подойдя к восточному побережью Гренландии, *Y. pestis* столкнулась с высокими ледяными скалами, которые подобно щиту поднимались над холодным, покрытым белой шапкой морем. Не испугавшись, палочка не сдалась. Позже наблюдатель напишет, что с этого момента «ни один смертный никогда не видел этот [восточный] берег или его жителей»[87 - Хекер, с. 13.].

За три с половиной года *Y. pestis*

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В оригинале: *Three on the Edge: The Story of Ordinary Families in Search of a Medical Miracle*, на русском не издавалась. (Прим. ред.)

2

Флагеллантство – движение «бичующихся», возникшее в XIII веке. (Прим. ред.)

3

Этим словом индейцы Америки называли чуму. (Прим. ред.)

4

Согдийский шелк из Мерва, один из сортов шелка. (Прим. ред.)

5

Ибн Баттута, у У. Хейд, *Histoire du commerce du Levant au moyen age*, vol. 2 (Лейпциг: О. Харрасовиц, 1936), с. 172–174.

6

Дж. Р. С. Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, 2-е изд. (Оксфорд: Clarendon Press, 1998), с. 238.

7

Цит. по: Эйлин Пауэр, *Medieval People* (Нью-Йорк: Harper & Row, 1963), с. 42. См. также издание: *Люди Средневековья*. М.: Центрполиграф, 2010.

8

Стивен А. Эпштейн, *Genoa and the Genoese, 958–1528* (Чапел-Хилл: University of North Carolina Press, 1996), с. 166.

9

Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, с. 100.

10

Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря, в более узком смысле Сирии, Израиля и Ливана. (Прим. ред.)

11

Хейд, *Histoire du commerce du Levant*, с. 170–174. См. также: Г. Бальби и С. Райтери, *Notai genovesi в Oltremare Atti rogati a Caffa e a Licostomo* (Генуя: 1973), изд. 14; Р. С. Лопес, *Storie delle Colonie Genovese nel Mediterraneo* (Болонья: 1930).

12

Дж. Ф. К. Хеккер, *The Epidemics of The Middle Ages*, пер. Б. Г. Бабингтон (Лондон: Tr?bner, 1859), с. 12-15.

13

Сэр Генри Х. Ховорт, *History of the Mongols, from the 9th to the 19th Century*, т. 2 (Лондон: 1888), с. 87.

14

Габриэль де Муссис, цитируется у Стивена Д'Ирсе, «Defense Reactions During the Black Death», *Annals of Medical History*, вып. 9 (1927), с. 169.

15

Луис Хейлиген, «Breve Chronicon Cleric Anonymi», выдержки из книги *The Black Death: Manchester Medieval Sources*, пер. и изд. Розмари Хоррокс (Манчестер: издательство Манчестерского университета, 1994), с. 41-42.

16

Филлипс, *The Medieval Expansion of Europe*, с. 102.

17

Рене Гроссе, *Empire of the Steppes: A History of Central Asia* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1970), с. 249.

18

Франческо Бальдуччи ди Пеголотти, у Р. С. Лопеса и Ирвинга. У. Реймонда, *Medieval Trade in The Mediterranean World: Illustrative Documents Translated with Introductions and Notes* (Нью-Йорк: издательство Колумбийского университета, 1955), с. 355–358.

19

В течение многих веков считалось, что де Муссис является очевидцем описываемых им событий. Но в девятнадцатом веке один любопытный редактор обнаружил, что нотариус в то время, когда осаждалась Каффа, был в Пьяченце. Источник информации де Муссиса неизвестен, но вероятно, его рассказ основан на разговорах с торговцами и/или моряками, недавно вернувшимися из Крыма. (Прим. авт., если не указано иное.)

20

А. А. Васильев, *The Goths in the Crimea* (Кембридж, Массачусетс: Средневековая академия Америки, 1936), с. 48.

21

Габриэль де Муссис, *Historia de Morbo*, Хоррокс, *The Black Death*, с. 17.

22

Хейлиген, «Breve Chronicon Cleric Anonymi», в Хоррокс, The Black Death, с. 42.

23

Майкл У. Долс, The Black Death in the Middle East (Принстон: Princeton University Press, 1977), с. 40.

24

Там же, с. 41.

25

Уильям Х. Макнил, Plagues and Peoples (Нью-Йорк: Anchor Books, 1976), с. 173.

26

Долс, The Black Death in the Middle East, с. 41.

27

Жан-Ноэль Бирабен, *Les hommes et la peste en France et dans les pays europeens et mediterraneens*, vol. 1 (Париж: Mouton & Co., 1975), с. 49–55.

28

Дж. Стюарт, *Nestorian Missionary Enterprise: The Story of a Church on Fire* (Эдинбург: T. & T. Clark, 1928), с. 198.

29

Недавно Хвольсона обвинили в том, что он неверно расшифровал надписи на надгробиях. Предположительно, он ошибочно перевел «эпидемию» как «чуму». Даже если это правда, этот факт существенным образом не изменит доводы «за» или «против» визита Черной смерти на берега Иссык-Куля. В Средние века слово «чума», библейский термин, используемый для описания последствий, связанных с недовольством Господа, и «эпидемия» применялись ко всем видам эпидемических заболеваний. Появление того или иного слова на надгробиях Иссык-Куля предполагает, но не доказывает, что Черная смерть побывала на берегах этого озера.

30

Роберт С. Готфрид, *The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe* (Нью-Йорк: Free Press, 1983), с. 36.

31

Оле Дж. Бенедиктов, *The Black Death, 1346–1353: The Complete History* (Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004), с. 50.

32

Де Муссис, «*Historia de Morbo*», у Хоррокс, *The Black Death*, с. 17.

33

У Хана Джанибека сегодня есть один серьезный защитник – Марк Уиллис, профессор микробиологии в Калифорнийском университете. Профессор отмечает, что в недавно зафиксированной серии заболеваний чумой из 284 случаев 20 % инфекций были вызваны прямым контактом, то есть заболевший прикасался к объекту, зараженному чумной палочкой *Y. pestis*. «Такая передача инфекции, – говорит он, – вероятно, имела место в Каффе, где трупы оказывались сильно поврежденными из-за того, что их буквально зашвыривали внутрь города. Многие из защитников, вероятно, получали порезы и ранения рук, пытаясь спастись от этой бомбардировки». Профессор Уоллис также считает, что сценарий с крысами, который поддерживают многие историки, не учитывает одну важнейшую особенность средневековой осады. Чтобы держаться подальше от стрел и артиллерийского полигона, лагерь осаждающей стороны часто располагался в километре от вражеских укреплений – обычно за пределами отрезка, который может преодолеть «оседлая» крыса, редко рискующая покинуть свое гнездо на расстояние более тридцати или сорока метров. (Mark Wheelis, *Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. Emerging Infectious Diseases* 8, No. 9 [2002], 971–975).

34

Бенедиктов, с. 52.

35

Цитируется у Филипа Зиглера, *The Black Death* (Нью-Йорк: Harper & Row, 1969), с. 16.

36

Дэвид Э. Стэннард, «Disease, Human Migration and History» в *The Cambridge World History of Human Disease* (Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1993), с. 35.

37

Роберт Р. Брубейкер, «The Genus *Yersinia*», *Current Topics in Microbiology*, вып. 57 (1972), с. 111.

38

Гарольд Фостер, «Assessing the Magnitude of Disaster», *Professional Geographer*, вып. 28 (1976), с. 241–247.

39

Дэвид Герберт Дональд, «The Ten Most Significant Events of The Second Millennium», в The World Almanac and Book of Facts (Махва, Нью-Джерси: Primedia, 1999), с. 35.

40

Джек Хиршлейфер, Disaster and Recovery: The Black Death in Western Europe, подготовлено для Отделения технического анализа Комиссии по атомной энергии США (Лос-Анджелес: RAND Corporation, 1966), с. 1-2.

41

Зиглер, The Black Death, с. 230. См. Также: Мария Келли, History of The Black Death in Ireland (Страуд, Глостершир: Темпус, 2001), с. 41; «The Black Death in The Middle Ages», The Dictionary of the Middle Ages, изд. Джозеф Р. Стрейер (Нью-Йорк: Чарльз Скрибнер, 1982), с. 244; Хоррокс, The Black Death, с. 3; Уильям Напи и Эндрю Спайсер, The Black Death and History of Plagues, 1345-1730, 1345-1730 (Страуд, Глостершир: Темпус, 2000), с. 34-35.

42

Данные о количестве погибших от Черной смерти колеблются почти так же часто, как фондовый рынок. Недавно один историк утверждал, что от Черной смерти скончалось 60 процентов населения Европы. Тем не менее именно 33 процента является наиболее часто упоминаемым и актуальным показателем смертности. Интересно, что это очень близко к данным, которые выдвигают средневековые ученые. Когда чума закончилась, церковная комиссия определила, что число погибших составило почти 24 миллиона, что удивительно близко как раз к одной трети смертельных случаев в Европе, население которой составляло тогда 75 миллионов. (William Naphy and Andrew Spicer, The Black Death: A History of Plagues [Stroud, Gloucestershire: Tempus Publishing, 2000], p. 34.

См. также Ole J. Benedictow, *The Black Death: The Complete History* [Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2004], p. 383.)

43

Цитата из произведения мексиканского поэта Октавио Паса. (Прим. ред.)

44

Франческо Петрарка, «Letter from Parma», Хоррокс, *The Black Death*, с. 248–249.

45

Готфрид, *The Black Death*, с. 35.

46

Ибн Хальдун, Долс, *The Black Death in The Middle East*, с. 67.

47

Макнил, *The Black Death*, с. 174.

В настоящий момент чума, кажется, одерживает верх в этой борьбе. Недавние исследования показывают, что заболевание стало настолько опасным для грызунов, что из-за этого может нарушиться процесс естественного отбора у нескольких видов. (Dean E. Biggins and Michael Kosvol, «Influences of Introduced Plague on North American Mammals», *Journal of Mammalogy* [November 2001], pp. 906–916.)

Нафи и Спайсер, *The Black Death and History of Plagues*, с. 35.

М. Г. Л. Бэйли, «Marking in Marker Dates: Towards an Archeology with Historical Precision», *World Archeology*, вып. 23, № 2 (октябрь 1991), с. 23.

М. Г. Л. Бэйли, «Putting Abrupt Environmental Change Back into Human History», в *Environments and Historical Change*, под ред. Пола Слэка (Oxford: Oxford University Press, 1998), с. 52–72. См. Также: Брюс М. С. Кэмпбелл, «Britain 1300», *History Today*, июнь 2000.

Роберт Поллитцер, Чума (Женева: Всемирная организация здравоохранения, 1954); Л. Фабиан Херст, *The Conquest of Plague: A Study of The Evolution of Epidemiology* (Oxford: Clarendon Press, 1953); Ву Лиен-Дэ и др., *Plague: A Manual for Medical and Public Health Workers* (Шанхай: Национальная карантинная служба Вэйшэншу, станция Шанхая, 1936); Ву Лиен-Дэ, *A Treatise of Pneumonic Plague* (Женева: 1926); Комиссия по исследованию чумы, «О сезонной распространенности чумы в Индии», *Journal of Hygiene*, вып. 8 (1900), с. 266–301; Комиссия по исследованию чумы, «Statistical Investigation of Plague in The Punjab, Third Report on Some Factors Which Influence The Prevalence of Plague», *Journal of Hygiene*, вып. 11 (1911), 62–156.

53

Дэвид Херлихи в книге *The Black Death and the Transformation of the West*, изд. Сэмюэл К. Кон-младший (Кембридж, Массачусетс: издательство Гарвардского университета, 1997), с. 34.

54

Во время войны во Вьетнаме было зарегистрировано примерно двадцать пять тысяч случаев чумы, почти все жертвы были вьетнамцами. (*Plague Manual: Epidemiology, Distribution, Surveillance and Control* [Geneva: World Health Organization, 1999], pp. 23–24.)

55

Херлихи, в *The Black Death and the Transformation of the West*, с. 34.

56

Уильям Честер Джордан, *The Great Famine: Northern Europe in The Fourteenth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1996), с. 118, 147.

57

Жан-Пьер Легуэ, *La rue au Moyen age* (Париж: Editions Ouest-France, 1984).

58

Джованни Боккаччо, *Декамерон*, пер. Г. Х. Мак-Вильям (Лондон: Penguin Books, 1972), с. 308. См. также пер. А. Н. Веселовского (М.: Эксмо, 2016).

59

Теренс Маклафлин, *Sorrophilia, Or a Peck of Dirt* (Лондон: Касселл, 1971), с. 19.

60

«The Report of The Paris Medical Faculty, October 1348», у Хоррокс, *Черная смерть*, с. 158.

61

«Tractatus de pestilenta», в Archive f?r Geschichte der Medizin, изд. Карл Судхофф (Берлин: 1912), с. 84

62

Генри Найтон, «Chronicon Henrici Knighton», у Хоррокс, The Black Death, с. 130.

63

Грэм Твигг, The Black Death: A Biological Reappraisal (Лондон: Batsford Academic and Educational, 1984), с. 21.

64

Роберт Р. Брубейкер, «Yersinia Pestis», в Molecular Medical Microbiology, изд. М. Сассман (Лондон: Academic Press, 2001), с. 2033–2058.

65

Эпизоотия – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории, сильно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. (Прим. ред.)

66

Роберт Перри и Жаклин Д. Фетерстон, «Yersinia Pestis – Etiologic Agent of Plague», *Clinical Microbiology Review* 10, вып. 1 (январь 1997), с. 58.

67

Бенедиктов, *The Black Death, 1346-1353: The Complete History*, с. 26.

68

В последнее время некоторые ученые оспаривают связь этого стихотворения с Черной смертью, утверждая, что оно появилось только в начале девятнадцатого века.

69

Аналог детской игры «Колечко, колечко, выйди на крылечко». (Прим. пер.)

70

Личное общение с доктором Кеннетом Гейджем, начальником отдела борьбы с чумой, CDC.

71

Бенедиктов, с. 28.

72

Там же, с. 26.

73

Джон Аррисабалага, «Facing The Black Death: Perceptions and Reactions of University Medical Practitioners», в Practical Medicine from Salerno to The Black Death, под ред. Луиса Гарсиа-Баллестера, Роберта Френча, Джоан Аррисабалага и Эндрю Каннингема (Кембридж: издательство Кембриджского университета, 1994), с. 242–243.

74

Сэмюэл К. Кон-младший, Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe (Лондон: Арнольд, 2002), с. 104.

75

Аллель является одной из двух форм выражения определенного гена. Например, ген цвета человеческого глаза может быть выражен в нескольких формах: карий, голубой, зеленый и т. д.

76

Дж. Клэрборн, Стивенс и др., «Dating The Origin of The CCR5-Δ32 AIDS-Resistance Allele by The Coalescence of Haplotypes», American Journal of Human Genetics 62 (1998): 1507–1515. См. Также: Кон, Black Death Transformed, с. 250.

77

Скамейка на судне. (Прим. ред.)

78

«The Report of The Paris Medical Faculty, October 1348», у Хоррокс, The Black Death, с. 158.

79

«Letter of Edward III to Alfonso, King of Castile», Хоррокс, The Black Death, с. 250.

80

У. Риз, «The Black Death in England and Wales», Proceedings of The Royal Society of Medicine изд. 16 (часть 2 [1920]), с. 134.

81

Annalium Hibernae Chronicon, изд. Р. Батлера (Дублин: Ирландское археологическое общество, 1849 г.), с. 37.

82

Маркионне ди Коппо Стефани, *Cronica friorentino*, изд. Никколо Родолико, RIS, XXX/1 (Città di Castello: 1903).

83

Аньоло ди Тура дель Граcco, «Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso», в *Cronache senesi*, ed. А. Лисини и Ф. Якометти, RIS, XV/6 (Болонья: 1931-1937), с. 555.

84

Ordinances of Pistoia 1348, цит. у Хоррокс, *The Black Death*, с. 195-203.

85

Нойбург Кроникл, у Зиглера, *The Black Death*, с. 84.

86

Томас Уолсингем, *Historia Anglica* 1272–1422, ред. Н. Т. Райли, в 2 т., *Rolls Series*, 1863–1864, том 1, с. 275

87

Хекер, с. 13.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kelli_dzhon/chernaya-smert-istoriya-samoy-razrushitel-noy-chumy-srednevekov-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)